

Антология Альтернативной литературы: 1

Коллектив авторов Антология альтернативной литературы 1. Альманах

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6602312

Антология альтернативной литературы 1. Альманах: ООО

«Альтерлит»; М.; 2010

ISBN 978-5-4219-0003-0

Аннотация

Вы отвыкли удивляться?

Чтение давно не дарило сильных эмоций?

Значит, эта книга для вас. «Антология альтернативной литературы» – пульс современной русской прозы и поэзии. Эта книга для тех, кто ценит свободу и не тратит время по пустякам.

Содержание

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ	4
ПРОЗА	5
Михаил Языков (ШГБ) Москва :: Confessa	5
Михаил Языков (ШГБ). Москва :: Мой маленький мирок	8
Виталий Смышляев (базука). Москва :: Боулинг-хана	15
Вадим Чекунов (Кирзач). Шанхай :: Куличики	75
Вадим Чекунов (Кирзач). Шанхай :: День молодого отца	104
Елена Одинокова. Санкт-Петербург :: Ложка	125
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Коллектив авторов

Антология альтернативной литературы 1. Альманах

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Книгу, которую вы держите в руках, мы готовили в течение года. Еще когда задумывались сайт и издательство «Альтернативная Литература», было решено выпустить в свет периодическое издание – «Антологию Альтернативной литературы». Первая «Антология» – итог неполного года работы сайта и издательства. За это время мы успели опубликовать на alterlit.ru около 6000 произведений, и выпустить в свет две книги наших авторов, которые сейчас с успехом продаются.

Эта «Антология» – первая из серии. За ней последуют другие, с периодичностью приблизительно три книги в год, несмотря на финансовый кризис. Все последующие «Антологии» будут наполнены текстами, которые талантливые авторы публикуют на сайте alterlit.ru. Это наша общая победа, и наш общий праздник, с чем мы вас, дорогие авторы и читатели, и поздравляем!

ПРОЗА

Михаил Языков (ШГБ)

Москва :: Confessa

В полупустом кафе хорошая акустика. Хриплый и мягкий мужской голос выводит свою грустную партию между рвущими реальность скрипками. «*Su confessa amore mio...*»

Не надо быть итальянцем, чтобы понять. Он любил, она ушла.

Мелодия уводит от окружающей суеты... Под спокойный перебор гитары голос то уходит ввысь, то бессильно затихает, и тут по расслабленным нервам бьет: «*Ma perch...*»

И снова скрипки. Густым сильным аккордом поднимают со дна души то, что казалось, уже никогда не сможешь почувствовать. Если бы помнил, как плачут – заплакал. Если бы умел, то любил.

Я смотрю на девушку, сидящую напротив меня, и в который раз за вечер задаю себе вопрос – зачем она мне? Готовая лечь в постель после получаса общения и бокала вина – зачем?

Новых ощущений не будет, а старые...

Похмельное утро в прокуренной комнате с женщиной, от

которой хочешь убежать? Зачем мне это? А ей зачем?

– Очень рад, что мы познакомились, но мне пора. Дела. В субботу улетаю. Давайте встретимся после моего возвращения? Если вы не будете против, я позвоню?

...Как же она смотрела на меня через залепленное постерами стекло увозившего такси. Разочарование, обида и непонимание.

Девочка... Я не буду просить у тебя прощения и никогда больше с тобой не встречусь. Потом ты поймёшь, что так лучше. Ну, если не лучше, то правильнее и честнее. Это у тебя я первый взрослый мужчина, а ты у меня... Я и имени твоего не запомнил. Да и как смогу объяснить, что не ты мне нужна. Ты просто тень моей первой любви. Которую не смог удержать двадцать лет назад и не могу забыть...

Сел в машину. Тяжёлая дверь захлопнулась, отрезав от уличного шума. Нужный диск лежал на заднем сидении. Я повернул регулятор громкости до отказа. И снова. Хриплый и мягкий мужской голос выводит свою грустную партию между рвущими реальность скрипками. Если бы помнил, как плачут – заплакал. Если б умел, то любил.

Песня длится чуть больше пяти минут. Но эти пять минут я буду на двадцать лет моложе...

Su confessa amore mio
io non sono pi; il solo, l'unico

hai nascosto nel cuore tuo
una storia irrinunciabile

Ma perch... non l'hai detto primaaaa!
chi non ama... non sar; amato mai!?

Так признайся, любовь моя,
Что я больше не тот единственный.
В сердце спрятала от меня
Ты историю с горькой истиной...

Но почему ты не сказала раньше —
Кто не любит, никогда не будет любим?..

Михаил Языков (ШГБ). Москва :: Мой маленький мирок

Круглый столик с тяжёлой мраморной столешницей, видимо, достался владельцу кафе в наследство от советских времён. Как его не ставь, как не подкладывай салфетки под ножки, а он всё равно будет качаться. Зануда, а не столик.

Я боролся со столиком-занудой. Пил третий двойной эспresso. Курил. Смотрел в окно и никуда не хотел идти. Сегодня выпал очередной, свободный от семейных обязанностей день. Моя жена уехала к родителям, и дома никто не ждал.

Ровно напротив кафе разлилась широкая, в пол-улицы, не объезжаемая лужа. При удачном попадании машины, волна полностью накрывала тротуар, и брызги били в большое, до пола, стекло витрины кафе. Если в этот момент пробежал прохожий, получалось забавно. Особенно развлекала следующая за этим реакция.

Вжик. Хлюп.

По мимике на лице прохожего легко читалось: «Сволочи!!!» А кто, спрашивается, сволочи? Сам виноват, внимательнее надо, тщательнее.

Потенциальные жертвы перебежками спешили по своим делам, не подозревая о проводимом мною исследовании.

Результативность удачного попадания составляла примерно десять процентов. Неплохой показатель для уикенда. В наблюдении за несчастьем другого всегда есть что-то веселящее, когда тебе ничто не угрожает. Я продолжал созерцать, прибывая в умиротворенном состоянии защищенности уютного мирка. Настроение вполне подходящее для рождения эпохальной шедевралки на вселенскую тематику.

«Человек рождён для радости,
но если счастья в жизни нет,
он другому строит гадости,
чувством радости согрет».

Услышал эту сентенцию от одной из своих подруг. Такой у неё был жизненный девиз. Сволочь она редкая, но секс запомнился. Считается, что здоровый мужской организм думает о сексе каждые семнадцать минут. Враньё. Чаще, пока не успокоится и не найдёт свою половину, а вот с этого момента каждые семнадцать минут. Но о сексе не с ней.

Секс-половина. Свою искал пятнадцать лет, выбирая методом проб и ошибок. Сколько проб было?.. Достаточно много для того, чтобы забыть их точное количество. Странно, но вопреки законам диалектики, количество никак не хотело переходить в качество. Наоборот. Чем больше было проб, тем больше ошибок. С опытом первоначальное деление на «красивых» и «некрасивых» приобретало более де-

тальную классификацию. Сходные виды объединялись в роды, роды в семейства, семейства в отряды, отряды в классы, классы в подтипы, и т. д.

Всё по науке. Вот только объединяет и отличает их друг от друга не сходство строения, а недостатки. Но я с упорством неудачника продолжал искать единственную. Ту, с которой будет приятно проснуться утром. Заканчивалось всё одинаково. На пятый – седьмой раз совместного просыпания очередная Василиса Прекрасная, возвращалась в исходное состояние. То ли не везло, то ли жаб слишком много, не знаю.

Опаньки! Хо-ро-шо! Ещё одного замочили. За окном, как в немом кино, мужнина «весь-в-белом», лихач на Жигулях, немая сцена. Чаплин, блин... Ну, просто именины сердца, а не вечер.

Ну так, вот... О, бля... Пардон, о женщинах. Бляди – мелкий подвид, о нём позже.

Начальный период крупной классификации на «красивых» и «некрасивых» и накопления сексуального опыта проходил бурно, но сильно смахивал на однообразную домашнюю порнуху. Меня можно было легко поймать на мини юбку со стройными ножками, чистое личико и умение правильно ставить ударение в слове «позвонишь». Если дама предпочитала носить чулки, а не штопаные колготки, такая особь получала преимущество, и пофигу было правильное ударе-

ние.

Конечно, чулки, это своего рода фетишизм, но кто не любит женщин в чулках, пусть первым бросит в меня камень. Первая же сообразительная порно-звезда попыталась заставить меня на себе жениться, угрожая запретить доступ к телу. Так пришло понимание, что за любовь приходится платить всегда. И я пошёл по проституткам. ПО ПРОСТИТУТКАМ заметьте, а не по блядам. В чём разница? Разница между проститутками и блядами, как между Большим театром и художественной самодеятельностью в колхозе. Проститутка – это профессия, а блядь – хобби или призвание. Блядами – рождаются, проститутками – становятся. И ещё – проститутки дешевле. Кто сказал замечательную фразу: «Я готов быть терпимым к разврату и к расчету в отдельности, но их сочетание непереносимо»? Я с ним согласен.

В итоге моих изысканий, к классификации по внешнему виду добавилось разделение на блядей, проститутток и прочих – порядочных. Порядочные были таковыми по разным причинам. Кто из-за профнепригодности, кто по идеологическим причинам, но большинство и по тому, и по другому. Профнепригодность рождала идеологию.

Ливень не прекращался. Мимо кафе попыталась проскочить парочка влюблённых. Он нежно прятал девушку под полый своего плаща. Плащ был длинным и закрывал её почти всю, оставляя незащищенными лишь щиколотки стройных ног, обутых в ярко-красные туфли. Они бежали, нахло-

нившись вперёд, и не видели засады. Волна накрыла с головой. Влюблённые не прореагировали и поспешили дальше, занятые какой-то своей проблемой.

Трахаться, наверное... Я зевнул и заказал очередной кофе. Может и мне метнуть куда-нибудь своё натренированное тело? Нее. Была охота жопу мочить!..

Сюжет за окном принял новый оборот. В соседнем с кафе кинотеатре закончился сеанс и актёров стало больше. Вид попавших в эксперимент влюблённых заставил остальных подопытных поменять стратегию. Теперь они соизмеряли скорость своего перемещения с движением транспорта, ускоряясь и подпрыгивая. Тоже комично, но не так, как раньше. Результативность стала падать. Эксперимент спас водитель маршрутки. Выехав на встречную полосу, он со спины окатил подопытных. Ну, молодца! Так держать! На каждую хитрую жопу найдётся болт с винтом, а на болт с винтом отверстие с обратной резьбой. Вот только зря ты остановился. Теперь, получая люлей от обрызганных, стал наглядным подтверждением второй части поговорки. Ошибочка вышла, но кто не ошибался?

Был в моей генитально-изыскательной экспедиции и ложный путь классификации на «умных» и «глупых». Ошибался. Каюсь. Теперь твердо убежден: все бабы дуры, и не потому, что дуры, а потому, что бабы – это их обобщающий

признак. Для всех мужчин бабы – дуры. Для всех женщин мужики – козлы. Это субъективно-женское мнение только подтверждает правильность вывода о дурах. Правда, иногда мне попадались умные дуры, но это извращение и о нём не будем.

Отрицательный результат – тоже результат. Я снизил требования к умственным способностям кандидатки. Стало проще. В итоге нашел то, что хотел. Симпатичную, стройную, спокойную, понимающую, любящую детей и дом, редкую женщину. Которую с удовольствием отнёс к новому неисследованному виду – «ЖЕНА». И успокоился. Ну, не совсем успокоился, но к экспериментам на стороне стал относиться как к развлечению, а не делу всей жизни. Естественно, соблюдая правила конспирации.

Дождь перестал. Лужа постепенно исчезала в ливневом колодце. Тринадцать замоченных, наверное, хороший результат, не знаю. Не с чем сравнивать. Расплатившись за кофе, вышел на улицу. Приятный свежий воздух. Лучи вечернего солнца, подкрашивая сепией стены домов, превращали улицу в ностальгическую фотографию из старого альбома. Хо-ро-шо-о-о-о-то как... А не пошалить ли мне?

Вжик. Ххх...люп.

– Сволочь!!! – орал уже я, четырнадцатый, вслед удаляю-

щейся девятке. – Кто тебе права продал?! Не видишь куда едешь? Рожа!

От былого умиротворения не осталось и следа. Теперь только домой.

Отворив дверь, бросил мокрую куртку на тумбочку. На вешалке весел плащ жены. Странно, но мокрым он был только снизу.

– Счастье моё, ты дома?

– Я в ванной!.. – от звука её мелодичного, с переливами голоса я стал успокаиваться.

– Как родители?

– Извини, милый, не слышу. Сейчас выйду...

Раздеваясь на ходу, бросился в спальню. Любящая женщина, спокойный, ласковый секс. Вот, что мне сейчас было нужно.

На застеленной кровати валялись ее сброшенные вещи, сверху лежали черные в сеточку чулки. На полу стояли ярко-красные туфли.

Вжик. Ххх...люп.

Мой маленький мирок летел к чертям...

Виталий Смышляев (базука).

Москва :: Боулинг-хана

Девять тридцать семь. Наконец-то можно не вставать в полседьмого, с детства ненавижу ранние подъёмы. Особенно бесился по субботам – хочется отоспаться после рабочей недели, а вскидываешься почему-то ни свет, ни заря.

Потянулся, зевнул, покрутился с боку на бок, потыкал кулаком подушку.

Мысли пошли по привычному кругу. Правильно говорят: «Кто был богат и обеднел – ещё двадцать лет будет богат. Кто был беден и разбогател – ещё двадцать лет будет беден».

Бабушкину квартиру я продал ещё в конце марта, уже апрель. Из осточертевшей инвесткомпании уволился через два дня, пару недель погулял.

И что дальше?

Я получил за квартиру четыреста тридцать пять тысяч. Евро.

Знаменитый дом в стиле русского модерна на углу Покровки и Чистых прудов, фасад расписан декадансными завитушками и волшебными птицами.

Сирин, Гамаюн, Алконост.

Под окнами постоянно аварии – бульвар резко переходит

в островок трамвайной остановки, не все успевают среагировать.

С детства помню магазин «Мужская одежда» внизу; ждал, не мог дождаться, когда вырасту, чтобы одежду там покупать.

Нет больше маленького Альки, нет бабушки, нет квартиры, нет «Мужской одежды».

Двадцатку успешно прогулял, остальное – в банк. Десять процентов годовых – в месяц получается около ста тридцати тысяч рублей.

И ещё налоги, наверное, вычтут, без этого у нас никак. Конечно, это побольше, чем говенный оклад в говённой компании – а что толку?

Как следует на такие деньги не поживёшь, а постоянно кроить, растягивая проценты – нахер было с работы увольняться?

Но с капиталом почти в полмиллиона евро работать менеджером? Тоже глупо.

Я зло дёрнул головой – и было-то не полмиллиона, а существенно меньше, сейчас ещё убавилось.

Надо что-то делать...

В казино играть?

Или на бирже?

Или вложить куда-то?

Вложить легко, обратно выложить трудно. За четыре года работы в инвесткомпании «Октагон» вдоволь насмотрелся.

Правильнее было бы её «Фуфлогон» назвать.

Отбросил одеяло, сел.

Посмотрел на свои ноги и вдруг заметил, что ногти на больших пальцах стали точь-в-точь как у отца.

Давным-давно, двадцать лет назад... или двадцать пять? Или сто?... Я сидел возле него на пляже, копался в песке. Отчётливо запомнил пугающе крупные слоистые ногти на больших пальцах, а мои – маленькие и розовые... Помню, как отодвинулся подальше – отец стал мне физически неприятен, неосознанно почувствовал нарастающее возрастное разложение его тела. Помню ощущение стыда и вины за свою брезгливость.

Теперь такие же ногти у меня – рифлёные и кривые, мутно-белые, как селёдочные очистки... Только сына у меня нет. И жены нет.

Есть вздорная баба, с которой даже после развода мы не можем спокойно разговаривать дольше минуты, и вроде-бы-дочь: голенастая школьница, которую я вижу раз в две недели. О чём с ней говорить, не знаю, задаю одни и те же дебилские вопросы про школу и кинофильмы, она вежливо отвечает, одновременно втыкая в мобильник.

Интересно, что она думает про своего воскресного папу? Ничего хорошего, уверен.

А ногти мои ей фиолетовы. Как и я сам. Я думаю, если у меня вообще ногтей не станет, она не заметит.

И ног.

И рук. И меня самого.

А я отца любил.

...В будние дни меня поднимала мама, а в выходные – только папа. Толкал по дороге в ванную: «Алька, вставай!»

Я взбивал над собой одеяло неряшливым комком, изгибался углом, раскорячивал ноги и руки, распластываясь как лягушка, выворачивал ступни в разные стороны, голову – набок, прижимая подбородок к плечу, становился очень плоским.

Типа, меня нет – встал и ушёл, не прибрал постель.

Папа ходил по комнате, старательно заглядывал под стулья, открывал ящики шкафа, выходил из комнаты, кричал маме: «Тань, Альку не видела? Еде Алик? Пропал куда-то. Наверное, ушёл уже...». Мама поддакивала с кухни, по квартире шёл запах оладушек... и не надоедало им.

Все выходные, год за годом.

Забулькал мобильный. Еде-то в коридоре... Под зеркалом нет, на зарядке нет. Всегда дико раздражает это невидимое навязчивое бульканье, ты его ищешь, а он пищит.

В костюме с вечера оставил телефон!.. В костюме на старой вешалке. Полез в дальний карман, неуклюже потянул его вниз и обломил крючок у плечиков. Костюм, взмахнув полами пиджака, бесформенно осел вниз.

Серёга.

Так я и знал – будет ещё в долг просить. Не дам.
Обрадовался, блин, нашёл бездонный источник.

– Привет.

...Ну, деньги получать – это всегда удобно. А ты ж вроде на четыре месяца брал?

...Давай через пару часиков. В «Кофе-Хаузе» на Новослободской. Давай, пока.

* * *

– Слушай, где ж так бабки отбиваются? Ты у меня двести тысяч рублей взял, и через две недели – двести шестьдесят.

...Да ладно тебе!.. Ты гонишь.

...Да ты что?!

– Аль, я тоже сначала думал – бред! Алишер этот карщиком у нас на складе работает – шустрый, как гуппи, земляки к нему постоянно шастают с утра до вечера. А здесь Алишер этот потерял карточку свою – ну, разрешение на работу – пришёл ко мне. А мне что-то скучно было... хуё-моё, слово за слово, припёр его на автомате по своей линии, по безопасности. Туда-сюда... просто так сидел, порожняк гнал, прикалывался. Типа – нам всё известно, есть сигналы... ну, обычная херня, в общем.

Закошмарил его по-полной, короче, и, прикинь – он вдруг раскалывается до самой сраки.

Вообще не ожидал!.. Мастерство не пропьёшь, хуле.

И зовёт меня в долю... Наглый, бля, сучонок.

У меня своих было четыреста тысяч, на квартиру первый взнос откладывал, ещё назанимал там-сям.

Миллион набрал, короче, потом стрёмно стало, только семьсот дал. А на хуя, спрашивается, столько занимал? Непонятно.

А всё равно стрёмно!.. Прессовал-прессовал его, аж у самого яйца вспотели. Через месяц приносит полтора миллиона, кланяется, отдаёт.

Вот так.

А отдал бы миллион, получил бы два с половиной. Алишер говорит, была бы сумма нормальная, можно оптом брать, вообще шесть ударов.

– Не понял.

– Что непонятного? Маленькие деньги – маленькая партия. Вторые-третьи руки, поэтому и навару мало.

– Ты обалдел, Серёга! Ты за месяц удвоил! Это... это... две тысячи пятьсот шестьдесят восемь годовых!!! Ты понимаешь, вообще?..

– Тихо, не ори. А если порошок в Хатлонской области из первых рук брать – шестьсот процентов. Один к шести – прикинь!

Минимум. И всех дел – на десять дней.

Алишер говорит – как два пальца. А у него там завязки, все дела, двоюродный брат – большой человек, глава рода – «колони хона». Плюс он же в хукумате – местной мэрии –

какая-то шишка.

Только бабки нужны, чтобы оптом взять за нормальную цену. Я три миллиона набрал, под двадцать годовых, через неделю лечу.

– Если так всё просто, что ж твой чурка карщиком работает?

– Да я спрашивал тоже. Бабок-то у него своих нет, вот он и набирает потихоньку. Сейчас стаж накрутит, легализуется, гражданство получит. А потом ещё, видишь, у них система клановая – сказали: «работай здесь, так для семьи нужно», значит, будет работать.

– Серёг, ты вроде бывший сотрудник, до подполковника дошёл, умный мужик, а такую чепуху мелешь.

Кино посмотрелся? Так в кино, кстати, и показывают, как с наркотой влетают. Или наркоконтроль повяжет, или пристрелят как собаку.

– Да я ж не собираюсь этим напостоянку заниматься! Не дурей тебя!

Пару ходок – и в тину. Мне б на квартиру только... Это ты с детства весь в шоколаде: бабка на Покровке, тётка – на Больших Каменщиках, бывшая с дочкой – в двушке, сам – в трёшке. А я, блядь... Заебался я десять лет в Балашихе в малосемейке этой, Ленка стонет уже.

– Будет тебе малосемейка в Бутырке... или в Матросской Тишине... – где там за порошок содержат?

– Ладно, всё. Забыли. Сам как?

– Я?.. Нормально.

Да ты что – не понимаешь, что даже если и купишь, не удастся провезти оттуда?! На границе обшмонают – и привет.

Серёга отмахнулся, задел рукой девчонку за соседним столиком. Мы нависли над столиком, придвинулись головами вплотную.

– Бля, столики в кофейнях пихают – пёрднуть негде. Скоро в два яруса будут ставить.

...Ты как маленький. Я ж тебе говорю, у него брат в хукумате – отдаёшь тариф, а там они уже сами разбираются. Из Фирюзабада на машине довезут до узбекской границы, потом козьими тропами до Самарканда, там встретят, и через Казахстан в Россию. Алишер так несколько раз сопровождал. Таджикив-то ещё трясут более-менее, а белым людям – как два пальца.

Главное – не пытаться ни-ко-го кинуть. Взял десять кило, заплати, что положено, не пытайся прогнать, что пять ве-зёшь.

– Да скорей тебя кинут тридцать три раза. Сахарной пудры наложат вместо порошка, и привет. Ты, что – разбираешься в нём, что ли?! Или с умным видом на язык будешь пробовать – холодит-не холодит?

– Не кинут.

Алишер со мной поедет. Если чего – я его прижму так, что

он у меня до конца жизни жопой порошок фасовать будет. И его придавлю, и родичей. У них всё гнездо здесь – и дядя, и шурин, и ещё половина их «тупа». «Туп» – род. Почти как у чехов – «тейп». Из-за родственников обоссается меня подставлять.

– Дурень ты, Серёга. Я удивляюсь просто. Битый мужик, почти полкан, начальник службы безопасности, а дурень. Рассказываешь так, будто это за грибами на Куровскую съездить. Деньги потеряешь и посадят ещё. А здесь – будешь чеки с порошком по улицам разносить?

– Здесь Алишер всё на себя берёт. Оптом привезу – оптом отдам.

– Жопу ты свою оптом отдашь, вот что. Куда ты лезешь? А как деньги туда довести? В двух чемоданах? Тоже пойдёшь к Лужкову в хукумат договариваться? Забудь про это...

* * *

Пить мы начали в Домодедово, смутно помню тяжёлую Серёгину ругань на багажном контроле, куда-то он там ходил, с кем-то разбирался... я продремал около вещей.

В Душанбе прилетели ранним утром, договорились с местным бомбилкой в тубетейке до Фирюзабада.

Наркокарщик Алишер заболел пневмонией, не поехал, из Москвы созвонились с Аюпом, его двоюродным братом – «братом из хукумата» – тот всё подтвердил.

Прохождения границы в Душанбе нет, но паспорта на выходе проверяют. Капитан-погранец впился колючим взглядом: «Зачем прибыли в Душанбе? Цель поездки?»

Серёга улыбнулся: «Туризм. Солнышка захотелось. Плова с курагой поесть. Авитаминоз, бля».

Капитан пытался спрашивать про маршрут следования и место размещения, Серёга его отшил в полпинка.

На горных поворотах нас сморило, проснулись только у въезда в город – каменные столбы, фантастической величины дурацкие железные ворота, караул. «Как в «Тысяче и одной ночи», – подумал я.

Аюп встретил нас перед воротами. Мягко, как будто отгоняя мошек от вазы с фруктами, шевельнул пальцами в сторону своего водителя. Водитель – высокий, костистый, с глубоко посаженными глазами – шагнул к нашему бомбиле, протянул ему деньги и что-то буркнул.

Тот попятился, кланяясь Аюпу, на нас не глядя, сложился в суставах, во всех своих сочленениях, и втянулся в салон. Словно всосало его туда. Не переставая кланяться, завёл двигатель и, взвизгнув резиной, умчался прочь.

– Вы – гости, – говорил Аюп, подсаживая нас в белый «Круизер» с молитвенным ковриком на панели приборов. – Вы – гости. Как же так, из аэропорта сами поехали, не позвонили. Это нехорошо, это стыд для меня.

– Да хуле лишний раз беспокоить, – сказал Серёга.

– Беспokoйство – это жизнь без гостей, – не очень понятно сказал Аюп и мы въехали в город.

Вдоль улиц тянулись побеленные заборы-дувалы с резными узорами виноградных и инжировых листьев, в проёмах слепо кривились двери и ворота из ветхого, изъеденного жучками дерева. Полуденное солнце не давало тени, дувалы и низкие дома с маленькими окнами выглядели пугающе плоскими, как безглазые стёртые лица из мутных снов. Невидящие окна, никуда не ведущие двери.

По берегам уличных арыков росли крепкостволовые раскидистые деревья с мелкой листвой, тёмно-зелёной сверху и белесой с изнанки, слабый ветер шевелил их кроны, как будто за окном непрерывно переодевались женщины – шуршание юбок, мелькание нижнего белья. Впрочем, с похмельюги у меня всегда стояк дикий и всякая похабщина в голову лезет.

Редкие прохожие почтительно кланялись вслед тёмным стеклам автомобиля.

– Почему на некоторых деревьях в садах ленточки? – спросил я.

– Там, где в доме невеста и скоро свадьба. Таков старый обычай, – ответил Аюп и развёл руками, будто извиняясь.

По-русски он говорил хорошо. С падежами, конечно, не справлялся, и непривычно чётко расставлял ударения; глас-

ные подчёркивал вытянутыми губами и горлом, выделял букву «о», иногда растягивая её как «оу», вместо «ш» кое-где вставлял «ч». Непохоже на остопиздевший москвичам кавказский выговор: чеченцы с дагами шипят и скрежещут, то и дело срываясь на угрожающее рычание, речь же Аюпа, наполненная гулками гласными, напоминала клекотанье большой птицы.

Мы въехали на возвышенную площадь с остатками крепостных стен, машина остановилась. Водитель выскочил, распахнул дверь передо мной, Аюп, поклонившись, помог выйти Серёге.

Площадь удивительно походила на смотровую площадку перед Московским Университетом – как если б мы подъехали к баллюстраде со стороны главного здания.

Только вместо реки и Лужников – нереальная панорама горного хребта, а на площадке вместо матрёшечников – кафешечные столики и навесы. Прозрачный воздух, пропитанный ароматами цветов, лепешек и жареной баранины дрожал и переливался снизу доверху.

В Москве, когда в длинной пробке стоишь, вперёд смотришь – тоже по типу этого слоями воздух струится. Выхлопы из глушаков.

Мы шли между огромными клумбами и цветниками, водяная пыльца фонтанов, приятно освежая, падала на пле-

чи, мгновенно высыхала под жарким солнцем. Пацаны носились по асфальтовым дорожкам, катались на роликах и велосипедах, аккуратно объезжали миндальные деревья в розово-белом цвету, под развесистыми широколиственными чинарами сидели старики в галошах и высоких разноцветных носках-джурабах, молодые мамы с колясками. Всё как у нас, только мамы не в мини, а в ало-зелёных шароварах с халатами.

Наш путь ни разу никто не пересек, по длинной тенистой аллее через всю площадь мы прошли одни.

Сзади, чуть приотстав, шагал водитель.

– Мы совсем не так представляли себе ваш город, – сказал я.

– А как? – вежливо улыбнулся Аюп.

– Ну, так... более традиционно... – замялся я.

– Арык бежит,
Большой бежит,
Бода несёт прохладу.
Голодный тигр
Давно не спит,
Его убить нам надо...

– неожиданно продекламировал Аюп.

Это мы так в школе русскую азбуку учили...

Смешно, да? Развиваемся немножко, развиваемся. Здесь

раньше середина старый город базар был, вонючий (у него прозвучало – «вонучи»), грязный, эпдемичски опасный. Снесли, всё убрали, немножко цветы, немножко фонтаны, детский городок, кафе, ресторанчики, боулинг – пусть люди отдыхают.

От базара название оставили: «Девори баланд» – «высокие стены». Старое тоже немножко нужно помнить, как вы считаете?

– Прекрасно получилось, – искренне сказал я, стараясь сдержать улыбку – над тёмными стёклами здания слева красовались яркие буквы: «Боулынг-хана» и «Биль-ярдон».

– Ещё не всё, не всё получилось, – развёл руками Аюп, – не всё. Если не возражаете, давайте вон там сядем, – он показал на столик под огромной чинарой.

Сквозь листву чинары просвечивали мягкие очертания светлых проплешин на стволе. От этих нежно-телесных пятен с полупрозрачной нежной шелухой по краям на меня опять повеяло тяжёлой томной эротикой... как будто подглядываешь за женщиной, приспустившей чулки.

У столика уже кланялся официант (официанты в тёмных брюках, белых рубашках и тубетейках выглядели смешно, и окликали их гости тоже смешно: «гарсон-джён!»), на тарелках лежали закуски, зелень, нарезанная соломкой редька и пухлые лепёшки с точечками кунжута, стояли запотевшие глиняные кувшины.

Аюп опять лёгким движением пальцев отгоняя невидимых мух, отпустил официанта, сам разлил по бокалам холодное вино.

– Как же с Кораном? Коран-то вино запрещает? – спросил Серёга.

Не понравился мне Серёгин тон, и кривая высокомерная усмешка не понравилась.

– Дорогой Сергей, Омар Хайям очень правильно сказал:

«Вино запрещено, но есть четыре “но”:
Смотря, кто, с кем, когда и в меру...»

Здесь все четыре «но» встретились, поэтому два стаканчика нам Аллах простит. Я надеюсь.

За ваше здоровье, дорогие! Я рад, что вы посетили наш скромный город, примите моё уважение и почтение. Конечно, это не Москва, наш город маленький, и мы сами – маленькие люди. Горы большой, а город – маленький...

Аюп выговаривал здравицу медленно и чётко, без улыбки, каким-то образом удерживая в поле зрения своих желтоватых глаз нас обоих сразу. В правой руке он держал бокал, левой в такт словам кругообразно помахивал снизу вверх.

Как дирижёр.

Или как строгий учитель, приглашающий школьников подняться.

Я встал.

– Сядь, бля! – прошипел Сергей и потянул меня за ремень.

– Сидите, дорогие, сидите! – Аюп повернул руку вниз ладонью, – вы – гости!.. Сидите. А я должен хлопотать вокруг вас. Сидите.

Я сел. Аюп договорил тост, сел, сказал что-то на своём, плеснул немного вина из бокала на землю и выпил.

– Зачем вы из бокала на землю плеснули? – спросил я.

– Заметил?.. Ты внимательный. Это – для духов нашей земли, – сказал Аюп. – Ты знаешь, мы не очень хорошие мусульмане... немножко ленивые, немножко хитрые. Немножко Аллаха просим одно, другое, но по своей старой вере – до ислама – духов боимся. У нас говорят: «Худо зада бошу арвохь зада не» – это если по-русски перевести... – Аюп задумался, – «Если Бог тебя бросит, то это ничего, а если арвохь – дух, то есть, – тебя бросит, то жизнь пропадёт». Поэтому стараемся их поить и кормить. Искандар... Александр Македонский долго наш город хотел взять – три месяца.

Не взял, войско снял, пошёл в Индию. Когда основной войско ушёл, наши ребята сделали выход из стен, взяли много пленных, числом возле двести, резали, давали кровь арвохь, как благодарность. Почти на этом месте. Да, на этом месте.

Аюп замолчал и посмотрел на нас. Я кивнул. Подошедший официант расставил миски с густым горячим супом и маленькие чашки с приправой.

Красное густое вино напоминало чилийское, и подействовало оно на старые дрожжи, из-за жары и усталости – быстро и крепко.

Я откинулся на спинку стула. Над головой шелестела чинара, слоистый дым мангала лёгкими завитками уходил вверх, смешивался с пеной цветущих вишен, поднимался выше, превращаясь в облака и белоснежные горные вершины. Из соседнего кафе доносился прошлогодний хит «Фабрики звёзд» – «Я тебя любила, Только я забыла, Как меня сгубила...»

– Что порожняк зря гонять, давай о делах поговорим, – сказал Сергей и отодвинул бокал.

Несмотря на палящее солнце, он сидел в куртке. Правая рука всё время лежала на коленях, ел и пил он левой; от жары, или от острого горячего супа его лысая голова покрылась мелкими капельками пота.

«Интересно, на голове пот такой же, как под мышками или нет?», – мелькнула у меня глупая мысль.

– Успеем о делах, – ответил Аюп, не поворачиваясь. При-

щурясь, он смотрел на далёкие горы. С лёгкой покровительственной улыбкой смотрел, как на маленького ребёнка. – Успеем. Сегодня вы – гости. Отдыхайте.

– Чтоб сразу было понятно – кэша с собой нет, на пластике всё. Товар посмотрим, тогда обналичим, – сказал Сергей с глухим вызовом и промокнул салфеткой лысину.

– Молодец, – сказал Аюп, по-прежнему не глядя в нашу сторону. – Правильно. Зачем мешок деньги таскать? Ты думаешь, мы здесь совсем дикие? Немножко развиваемся. Завтра в банкомат сходишь и снимешь, если будет нужно.

Но это завтра.

Завтра поговорим о делах, о деньгах... Отдыхайте, – Аюп обвёл горизонт широким жестом.

Я машинально повернул голову вслед за его ладонью и, совсем близко от нас – справа от фонтана, на самой границе водяной пелены – увидел несколько коричнево-бурых шаров, размером с футбольные мячи.

На цветы или кусты непохоже, на скульптуры тоже.

Я всмотрелся внимательней, прищурился. Между мной и газоном то и дело проносились пацаны на роликах, перед фонтаном прыгали девчонки в пёстрых шароварах, я встал, чтобы рассмотреть получше.

Аюп задумчиво смотрел на горы, Сергей макал в приправу рёбрышко из супа. Галдели пацаны.

Шесть коричневых шаров на зеленой траве, непохожие на цветы, кусты или скульптуры, были человеческими голова-

ми.

Распухшие носы и губы, перекошенные щёки, вывороченные наизнанку глаза. Зрачки закатились внутрь, под кровавыми веками виднелись белесоватые бельма. Носы и губы набрякли кровью и увеличились в два-три раза, казалось, что к искажённому страданием и болью лицам прилепили мясные нашлапки.

Черты лиц исказились и сместились так, что не воспринимались человеческими – брови ушли высоко на лоб, к волосам, челюсти выпали и перекошились, от подбородка до горла висели мешки багрового желе, в ноздрях запеклась кровь.

Время от времени на головы садились мухи, но ветерок поддувал водяную кисею фонтана и они улетали.

– Э-это... Ч-что э-это?.. Это?!

Аюп перевёл взгляд на головы.

– Это нехорошие люди. Обманчики. Так немножко наказываем Старый обычай. Раньше здесь базар был... – я говорил? – Аюп посмотрел на меня, я кивнул. Судорожно сглотнул, закрыл рот.

– ...Да, базар. На базаре харчевни, чайхана, мясо, мусор вонучи. Крысы очень много, очень... – Аюп сокрушённо покачал головой. – Поэтому базар убрали. Но крысы так и не можем убрать, внизу норы, очень много осталось. Эти обманчики... их в землю копаем, крысы из нора приходят, вни-

зу кусают. Губы зашиваем ниткой, чтоб рот не кричал, не шумел, здесь же парк у нас, люди отдыхают.

Вот так. «Забон дар дахъ, он посбони сар аст» – «Язык во рту стережёт голову».

Мои колени прыгали, ходили ходуном, я схватил их руками, чтобы остановить дрожь, лихорадка передалась рукам.

Я трясся и дёргался, не в силах оторвать взгляд от голов. Волосы на них так пропитались выступившей из-под кожи кровью, что превратились в твёрдую корку.

– А что ты волнуешься? Вы – гости, вы – не обманчики. Кушайте. Ты совсем бринчоба-суп не кушаешь. Нехороший? Давай другой принесём. Этот бринчоба немножко неправильный, в него надо давать горох нут – так положено, а здесь узбецкий фасоль маш. Он мелкий. Давай меняем.

– Нет! – крикнул я. В висках и затылке колотилась кровь, я смотрел на головы, ничего не соображая. «Повара и официанта закопают за неправильную фасоль», – почему-то стучала одна мысль... – Не надо!

– ... Нет, – повторил я. – Пожалуйста... Не надо.

– Надо вам старый таджикский еда покушать – халиса, хушан. Там ничего от узбеков нет, – сказал Аюп.

– Нормальный супчик, – сказал Серёга и положил ложку в пустую тарелку. – Хороший супец. Густой, острый. Люблю такой. Аж в пот меня бросило. Устал, наверное, с дороги.

– Да-да. Извините, – сказал Аюп. – Вы с дороги, устали, я много говорю, забыл. Старый стал. Сейчас вас отвезут в гостевой дом, отдохните, а завтра о делах поговорим.

* * *

– ...Ты что, Серёга?! О чём ты говоришь вообще?! Пока светло, давай дёргать отсюда!

– Слушай, ляг, поспи. Что ты пургу гонишь?

Как ребёнок, бля. Что тебе эти головы дались? Обычные чурбанские примочки – за столом сладкие слова, тосты-хуёсты, понты колотят... потом пугать начинают. Ты что – не понимаешь? Он спецом нас за этот столик привёл – так посадил, чтобы они на виду были, чтобы заколбасило нас.

Я их ещё на подходе увидел. Да пусть, бля, этот Аюп Пиздосович хоть на капот Крузака своего эти головы поставит, мне похер. Чучело огородное... Я должен с квартирой решить.

Сергей распахнул куртку, воздушным движением выдернул из оперативной наплечной кобуры пистолет.

– У чехов такая же херня – в лицо тебе смотрят, глазами вращают, на мозг давят и прогоны гнилые. Про горло резать, пилой пилить... Видишь именно «Стечкин»? – Мне его Рогожкин, командующий внутренними войсками, вручил. Примерно за такую же хрень в Ножай-Юрте мы тогда

пятерых завалили. За пару минут.

Я прижал палец к губам и обвёл рукой стены – наверняка прослушивается. Серёга отмахнулся.

– ...Как гранату в жопу всунешь чеху, так он сразу перестает глазами крутить, разговаривает спокойно, вежливо. Бараны, бля. Хорошая поговорка была – «Чувствуешь только гранату в жопе, а всё остальное – ощущаешь».

Не очкуй, Алик. Пусть только дёрнутся – полкишлака переложу, у Аюпа этого яйца как горох маш станут.

– Фасоль.

– Чего?

– «Маш» – это фасоль. А горох – это «нут»...

– А-а... Ты это... поспи давай, – сказал Серёга.

– Я уезжаю. Ты как хочешь, а я – уезжаю.

– Прекрати, слушай. Ну, что ты, в самом деле? Что тебе до их местных разборок?

– Я уезжаю! Ты что – не понимаешь?! Здесь людей в землю живьём закапывают, а ты... ты... Ты понимаешь вообще?...

– Да как ты поедешь? Мы ж сумму оговорили, у меня денег-то мало, тогда карту оставь свою, я сам всё решу.

– Нет. Не оставляю. Я уезжаю. И тебе надо уезжать. Собирайся, пойдём! Я пошёл на автовокзал!

– Ну, нельзя же так, Алик! Ну что ты меня подставляешь? Что ты творишь?!

– Я уезжаю!

– Блядь, ну и очкун ты! Так нельзя, Алик, что за детский сад, бля. Так дела не делаются. Ладно, давай всё-таки ухо защемим минуток на двести, всю ночь не спали, меня развезло чего-то. Встанем, поговорим. Сейчас поругаемся только. Решишь уехать – езжай.

* * *

На автовокзале стоял новенький китайский автобус и несколько бомбил.

– Доюомент! – потребовал широкомордый водитель автобуса.

Я протянул паспорт.

– Нет. Доюомент хукумат давать, потом ехать.

– Какой ещё «доюомент»? – рявкнул Серёга. – Мы сюда без всякого доюоменты приехали!

– Доюомент! – крикнул водитель и тронул с места, закрывая двери.

– Какой?!.. Какой ещё документ! – закричал я. – Вы не имеете права! Это незаконно!

– Дуру не гони, – сказал Серёга, – ты, что – Немцов, что ли? Ладно, не суетись. Пойдём.

Мы подошли к бомбилам.

– В Душанбе.

– Доюомент есть? – спросил таджик с прокалённым на

солнце лицом, и такими же отождёнными руками. От кистей до локтей их покрывала сетка толстых перекрученных вен. Как сплетённые верёвки мясного фарша.

– Слушай, какой документ? Мы из Душанбе приехали за двести баксов. Я тебе триста даю, – сказал Серёга.

– Дуюмент нет – нельзя ехать, – сказал Венозный. Он смотрел на Серёгу без всякого выражения на лице, нашего предложения он, похоже, не слышал.

– Эй, кто поедет?! – обратился Серёга к остальным. – Душанбе – пятьсот баксов!

Люди стояли молча. Я пытался поймать чей-то взгляд, не смог. Таксисты не отводили взглядов, не отворачивались, не мигали.

Смотрели сквозь нас, время от времени сплёвывали тягучей серо-зелёной слюной, невидящие глаза казались мутно-белыми бельмами.

Заходящее солнце, длинные тени от жутких плоских стен автовокзала, серо-зелёный узор плевков на асфальте. Пересохшие, как рыба чешуя, глаза тускло поблёскивают с пустых морщинистых лиц.

С пустых, как яичная скорлупа, как смятые бинты.

...Как смятые гнойные бинты на полу безлюдного больничного коридора. Кафель отбит, мёртвый свет люминесцентных трубок. Трубки ритмично щёлкают, вспыхивают

и гаснут. Пустой коридор, пыльные двери. Шорох в замке, металлическое шуршанье ручки, длинный скрип петель. Вздрагиваю, оборачиваюсь, никого. Все двери закрыты. Высохшие гнойные бинты в прерывистом бело-зелёном свете, шуршанье за дверью.

Когда я видел этот сон?

В детстве? Месяц назад?

В самолёте?

Или сон – всё, что я вижу сейчас?..

Из наступающих сумерек визгливо захохотал-замяукал какой-то зверь, ему в ответ проскрипела незнакомая птица. Протяжно, как ржавая дверная петля.

Так, наверное, кричала птица Сирин. Или Гамаюн.

Я схватил Серёгу за руку.

– Серёж... Пойдём пешком. Спустимся в долину, там найдём кого-нибудь. Пойдём, пожалуйста, Серёж! Я тебя прошу, пойдём.

– Ночью по горной дороге? Прогулочка – как в жопу улочка. Прогулка – я ебу, какая... Шакалы вон орут как. Тебя одного не отпустишь, я идти не могу, дела не сделал. Не знаю. Давай в чайхану зайдём, подумаем, – Сергей помотал головой.

На автобусный круг влетел белый «Крузиёр» Аюпа, крутанулся, затормозил.

Выскочил Костистый водитель, перебросился парой слов

с бомбилами, побежал за нами.

– Какой проблема? Гостевой-хана сказал – вы ушёл. Уехать надо? Теперь нельзя уехать, доюомент хукумат надо получать. Погранзона здесь. Без доюомент нельзя. Строго, очень строго.

Костистый набрал номер, быстро, с уважительными интонациями, заговорил по мобильному. Покивал, выключил телефон.

– Аюп-муаллим сказал: хотите уехать, завтра утром будет доюомент, уедете. Никакой проблема. Завтра. Теперь хукумат закрыт. От себя говорю – Аюп-муаллим немножко огорчил.

Аюп-муаллим сказал: если дела не хотите делать, надо сказать, сидеть, покушать, потом ехать. Вы – гость, зачем уехать, ничего не сказать? Немножко огорчил Аюп-муаллим. Не надо не сказать.

Аюп-муаллим сказал: уехать или не уехать, всё равно. Теперь надо отдыхать, чтоб хороший вечер, вы – гость. Отвезу вас в наш луччий ночной место, там вино, музыка, женчин.

– Ночной клуб Фирюзабада? – ухмыльнулся Серёга.

– Клуб, клуб, – закивал Костистый. – Поехали. Вино, музыка, курить, молодой женчин... кто хотели – мальчики молодой тоже есть разный.

– Не-е, мы старые люди, – сказал Серёга. – Нам с девочками-то дай бог справиться. Поехали.

– Ты что, Серёг?! Сами в петлю лезем!...

– Не залупайся, – шепнул он мне. – Только не залупайся.

Разберёмся.

Мы сели в машину. По салону металась огромная сине-зелёная мясная муха. Толкалась в окна – как будто по стеклу выстукивали согнутым пальцем – отскакивала, носилась, нарезая десятки беспорядочных петель. Казалось, в автомобиль ворвался целый мушиный рой.

– Так что, отец? – обратился Сергей к водителю. – Кипит в городе ночная жизнь? Девки-то русские или местные?

– Разный, разный, – сказал Костистый. Покосившись, резко выбросил вбок левую руку, схватил на лету муху, растёр, открыл окно, выбросил, вытащил из пачки влажную салфетку, вытер ладонь. Использованную салфетку сложил и убрал в пакетик под сиденье.

– Ты понимаешь, с одной стороны, хочется поработать с местными кадрами, а с другой – я ж на фарси не секу. Как объясняться-то?

– Никакой проблема. Женьчин не говорит много.

Говорит: «Бале!» – «Да».

Говорит: «Ал/батта!» – «Конечно».

Говорит: «Афьюн!» – «Опиум».

– Вот бы наших так выучить, Алька! – Серёга захохотал.

– Ты говорить: «Занон!» – значит, ты хочешь женьчин, не

мальчик. Ты говорить: «Лабон!» – «Губы»...

– Какие именно губы? – вставил Серёга.

– Ты можешь женьчин говорить, когда всё хоп, всё хорошо: «Ман тул нохс метином». Значит: «Я тебя люблю», – и Костистый залился тонким визгливым смехом.

Серёга захохотал в ответ.

– Весёлый паренёк наш водитель, – шепнул мне Серёга, – этот точно мальчиков к себе таскает. А потом этих мальчиков – в суп хуйнут... с горохом нут.

* * *

В «ночном месте» стояли низкие столики, вокруг столиков – ковры и подушки. Сладковатый дым тянулся слоями под древние, в мелких дырках – как пемза – балки потолка, из-за столиков местные мазали нас тяжелыми мутными взглядами. И «Фабрика звёзд» – «Я тебя любила, Только я забыла, Как меня сгубила..»

– Сначала терьяка пожуйте, мальчики, – сказала Лиля.

Лиля – это моя. Сидит вполоборота ко мне, откинувшись на подушки. Как и все женщины здесь – в шароварах. Большой рот, тёмные волосы, зелёные глаза. Мать – таджичка, отец – русский солдат. В смысле – Неизвестный Солдат.

– Терьяк – это что? – спросил я.

На коленях у меня лежали Лилины ноги в ременных сандалиях. Узкие щиколотки, высокий подъём, лак на ногтях бело-розовый. Как цветущий миндаль.

Она двигала ступнями влево-вправо, то поднимая выше, то опуская обратно на мои колени. В паху у меня ритмично бухал пульс, я ёрзал, пытаюсь смягчить раскалённое напряжение в низу живота.

– Терьяк – это хорошая вещь... с мёдом и вином мешают...

– Что – «мешают»?

– Афьюн. Знаете, что такое афьюн?

– Знаем. Не, я лучше курну, – сказал Серёга, обнимая тощую высокую таджичку с огромными глазами, – старого пса новым фокусам не учат.

– Чуть-чуть... вам понравится, – состроила Лиля гримаску.

После терьяка мы курнули приготовленные косяки, потом Тося принесла Серёге древнюю просмолённую трубку с костяными накладками по бокам, чуть ли не полуметровую, с чашкой на конце... какие-то булавки, маленькую лампу с лепестком-огоньком, поколдовала, из трубки потёк тяжёлый дымок.

Серёга вдохнул, повозил губами и закатил глаза.

– Алик... Это кейф. Через «е». Это настоящий кейф,

Алик. Остаюсь в Фирюзабаде, устроюсь охранником в чайхану. Остаюсь.

– Смотри, накоддуечь, – сказала Тощя. – Этот трубка – старый. Говорят, он волшебный, исполняет желания.

– Где здесь кабинеты у вас, – подмигнул Сергей, – пойдём, исполним пару желаний. А может, моей мясной трубки даже на три хватит.

– Покури, покури, – Тощя забралась к Серёге под рубашку, гладила по груди и животу, целовала в шею. – Покури и пойдём.

– Алик. Не забывай. Алик?!.. Всё помнишь? Следи за собой. Будь осторожен.

Я кивнул.

– Ты сам-то не забывай.

– Не плачьте, сердце рая, – напевал Серёга, спускаясь с Тощей по деревянной лестнице. – Следи-и за собой. Будь осторожен...

– ...Дай мне три тысячи, – прошептала в ухо Лиля, когда они ушли. Дым над нашими головами медленно шевелился, распадался на протоки и течения, втягивался под балки.

– Пожалуйста, – ответил я и протянул ей три тысячерублёвых купюры.

– Долларов. Три тысячи долларов.

– Не маловато? Может, десять сразу? – я сразу напрягся, жар в паху рассеялся. Хоть я по Серёгиному указанию

и убрал кредитку под стельку ботинка, оставив в карманах только мелочь – наши рубли и долларов двести в переводе на местные сомони, но всё равно – не люблю я таких напрягов.

– Дай. Мне нужно. В Россию уеду отсюда. Тебе они всё равно ни к чему.

– В смысле?! – я оттолкнулся от подушек, выпрямился. – Что значит – «ни к чему»?!

Лиля смотрела сквозь меня. Я вдруг вспомнил пустые пересохшие глазницы таксистов на автовокзале.

– Что значит – «ни к чему»? Что это значит? Что?!

Я почти кричал, Лиля смотрела мимо. Никто из местных не поднял глаз, не повернулся на мой крик.

– Ладно, забей. Я пошутила.

– Пошутила?!

– Ал/батта. Пошутила. Забей. Сейчас тебе сделаю «хаома».

– Это что?

– То же, что и терьяк, но ещё разведённое кое с чем. Меня мама учила, это древнее, очень древнее питьё. Сейчас никто почти уже не знает, что такое настоящая «хаома». Нужно травы в определённые дни собирать, пять минут до восхода солнца, железки бабочек с нектаром... много чего... шестьдесят частей в «хаома»...

Лиля вытащила из-за пазухи глиняную бутылочку, вылила в пиалу белёсую жидкость, размешала в ней терьяк с блюдца.

– Сначала ты.

– Боишься? – усмехнулась Лиля и отпила из пиалы. – Пожалуйста. Но на женщин «хаома» всё равно не действует. Успокоился? Только много не пей сразу. Чуть-чуть, на язык.

Я пригубил.

Дым медленно окрасился в бело-розовый цвет, на нём выросли листья, цветы, крупные красные гроздья. Лилины миндалевидные глаза приблизились ко мне вплотную, она одним движением, как занавеску, сняла с себя одежду, прошла сквозь мою кожу, оказалась внутри – как в душевой кабине – и уже изнутри, словно перчатку, натянула член себе на руку.

Собственный стон я услышал одновременно изнутри и снаружи. Я целовал её пальцы изнутри и хватал свой член снаружи.

Хватал и не мог схватить под горами песка. Член вырос на полметра, на метр... гудел, трясся, разрывался от бешеных потоков крови, но сверху сыпался и сыпался песок, давил... пальцы Лили внутри раздвигались всё шире и шире, наслаждение перетекало в боль и обратно, как горячий гор-

ный воздух... я плавал в розовом мареве под потолком, я весь превратился в дым и дым наполнил всего меня, я тянул и тянул вниз свою полупрозрачную дымную бесконечно длинную руку, расстегнул молнию, оттуда хлынул раскалённый песок.

Я разгребал песок, я хотел докопаться до Лилиной руки, моя ладонь уже чувствовала её пальцы сквозь тончайшую кожу члена... сквозь полупрозрачную шелуху, как на стволе чинары...

– Пойдём вниз? – сказала Лиля, куснув меня за мочку уха. Другая Лиля, не та, которая была у меня внутри. – Смотри, как я умею.

Она взяла со стола длинный – чуть короче бутылки – огурец и сжала его губами. Втянув щёки и оттопырив низ подбородка – как пеликан – она сантиметр за сантиметром погрузила огурец себе в рот. Снаружи осталось сантиметров пятнадцать, Лиля держала огурец за самый кончик. Её язык желобком вытянулся снизу, она ещё подтолкнула огурец, и он оказался целиком внутри.

Кроме маленького кончика у неё в пальцах.

Горло и подбородок оттянулись книзу уродливым зобом, щёки запали, девушка стала похожа на средневекового кастрата.

Лилия дёрнулась в рвотном спазме, сдержалась, приблизи-

ла своё лицо ко мне и медленно извлекла тридцатисантиметровый огурец наружу.

– Хочешь? – спросила она.

Не дожидаясь ответа, поднесла покрытый вязкой слизью огурец к моим губам и мягко надавила.

Мой рот раскрылся, она надавила ещё. Я смотрел в её глаза, чувствовал сладковатый вкус Лилиной слюны, твёрдую огуречную корку, горечь содержимого её желудка, толкнувшегося наружу. Я не чувствовал своего тела, кости размякли, волны слепой крови прорвали сосуды и затопили мозг.

– Пойдём Пойдём вниз, я тебе так же ртом сделаю. Хочешь? – сказала Лиля и положила руку мне на живот.

Внизу на дощатом помосте лежали ковры, подушки и несколько одеял, мебели, кроме сундука у стены, никакой.

Грубые шерстяные одеяла напоминали лошадиные попоны. Хотя я никогда в жизни не видел лошадиных попон, но представлял их по книжкам именно такими – плотными, с торчащими волосьями, в складках и рельефных наплывах. Как раскатанные-расплющенные валенки, короче.

Лилля опустилась на ковёр, притянула меня к себе и прижалась губами к губам. Лилин тяжёлый язык заполнил мой рот целиком, я задохнулся. Задохнулся её языком, глазами

напротив, розовым дымом в голове.

Она отстранилась именно тогда, когда в моих лёгких кончился воздух.

– Глотни ещё «хаома». Не бойся, второй глоток не такой сильный.

Я глотнул и потерял вес.

Лёгкий и прозрачный, я парил над полом, Лиля снимала с меня одежду, стягивала обувь. Провела рукой от подбородка до низа живота, уложила на пол и, встав на коленки, принялась закатывать меня в ковёр.

– Так делали в Персии... шахам и эмирам... я всё сделаю для тебя... а ты – для меня... да?., да?

Я кивнул. Голова вращалась, перед глазами мелькали потолок, стены, пол... потолок, стены, пол... пол, стены, потолок.

Тело исчезло, мысли испарились. Я стал звонким глиняным кувшинчиком, только вместо «хаома» меня до краев заполнял розовый дым.

Ковёр вместе со мной сделал четыре оборота и остановился, снаружи оставалась одна голова.

Лиля села на корточки у моей головы, её сандалии почти касались висков.

Погладила мне шею, обвела двумя пальцами уши... снаружи... внутри, потрогала губы, легко прикоснулась к щекам.

Прозрачность и невесомость исчезла, я рвался к ней всем телом, но в плотной трубе ковра не мог даже шевельнуться. Член тёрся уздечкой о шершавое плетение, порхающие Лилины пальчики прожигали меня насквозь, я мычал и дёргался.

Напрасно.

Вдруг внизу, под ковром, я услышал царапанье и писк.

– Что это?!

– Да что ты так?... Подумаешь, крысы. Их здесь полно, но они внизу все, наружу никогда не выйдут. Тихо, тихо...

Меня окатила ледяная волна. Голова снаружи... и неподвижное беззащитное тело.

И крысы.

Подбираются, чувствуют беспомощность, принохиваются. Вытягиваются вперёд, приплющиваются, толкаются лапами, протискиваются в горловину ковра вдоль моих ног. Я чувствую их лапки, их острые коготки, их тесное ввинчивающееся движение вдоль моего тела выше, выше. Надкусывают кожу, отдёргивают лоскуты в сторону, прогрызаются внутрь живота, лезут в кишки, расцарапывая когтями ход пошире, тонко пищат, рвут зубами живую, пульсирующую печень, желудок, опускаются ниже, к бёдрам...

– Пусти!.. Раскрути! Отпусти!.. Ковёр! – задыхаясь, я мотал головой, выламывая шею. – Пусти!.. Пусти!!!

– Ну что ты, что ты... Сейчас, сейчас... – Лиля быстро раскрутила ковёр, погладила меня по голове, вытащила из сундука банку с серым порошком, сыпанула горсть под дощатый настил, там, где кончались ковры. Царапанье мгновенно прекратилось, писк стих.

– Всё, всё. Их больше не будет. – Лиля утёрла мне пот со лба, поднесла к губам кувшинчик с хаомой и быстро наклонила.

Я сделал большой глоток, потом ещё два.

Кровь стала теплее, ещё теплее, горячее, потом невыносимо жаркой. Вспыхнула кожа, сердце застучало в грудную клетку рваными страшными ударами, как будто пьяный бандит ломится в дверь.

Все чувства необычайно обострились – я видел паучка в углу комнаты, различал его тёмные глазки-бусинки, слышал шуршание расправляющихся ворсинок ковра и скрипучие крики птиц за маленьким слуховым окном, чувствовал запах кожи Лилиных сандалий.

Она сидела, откинувшись на подушки, и улыбалась.

– Встань на колени.

Я качнулся вперёд, ноги не держали меня. На колени я не встал, а почти упал.

Лиля показала на свою ногу в ременной сандалиии.

– Так тебе неудобно. Ложись на живот. Поцелуй мои пальчики. Сначала большой.

Я стоял на коленях, наклонив голову, не в силах отвести взгляд от её ног с розовыми ноготками. Голову разрывали мягкие пульсирующие удары, я тонул в тёмных горячих волнах.

– Ложись. Целуй мне пальцы. Побыстрей.

Я лёг, почувствовав животом шершавое плетение ковра – я помнил это странное ощущение... когда-то... совсем давно... – приблизил голову к её ноге. Она подвела ступню к моим губам, скинула сандалию и растопырила пальцы. Я отвернул лицо, в голову ударил запах кожи от сандалиии. Отдельно тонкий аромат крема, отдельно запах её ноги.

– Посмотри – видишь, складки между пальцами? Точь-точно, как между ножек у меня, их языком нужно. Давай. Давай.

Я вдруг увидел всё в другой проекции – её пальцы превра-

тились в длинные ноги, складчатая ложбинка между пальцев стала объёмной и влажной, распустилась гинекологическим бутонном. Я замычал и охватил губами большой палец с бледно-розовым ногтем.

– Хорошо. Глубже. Ещё глубже. Все пальцы. Хорошо. Языком. Не дёргайся. Вот так. Хорошо. Скажи теперь: «Ман тул нохс метином».

– Зачем?

– Скажи. Так надо.

– Ман тул нохс... метином.

Я дрожал и трясся, тёмная волна залила меня целиком, на поверхности остались только мои глаза... глаза-бусинки, как у паучка на стене... я смотрел со стороны, со стены, с потолка на голого мужчину, лежащего на полу перед полукровкой в шароварах, мужчина извивается и признаётся в любви...

– Ман тул нохс метином.

Лиля втискивала узкую ступню всё дальше, горло саднило.

Розовый дым всё густел, я уже ничего не видел, сквозь тьму и оглушающий стук сердца ко мне прорывались только отдельные слова.

– Языком, языком... хорошо... а сейчас я тебе поцелую... глубоко, до горла... хочешь?... до самого горла... я сделаю

всё, что ты хочешь, да?., а ты – для меня... дай мне три тысячи... дашь?... дай пять тысяч... сколько у тебя есть... ман тул нохс метином... я сниму с карты, я умею... где карта?.. Скажи пароль... вот так тебе хорошо?., какой пароль?., только цифры, букв нет?., так хорошо?., полежи, сейчас вернусь... сейчас всё будет... я сделаю всё, что ты хочешь... глотни ещё «хаома»...

* * *

Стук становился всё громче, громче... я откинул одеяло, открыл глаза и приподнялся. Разбросанная по коврам одежда, в комнате никого. Стал натягивать штаны, голова закружилась, я упал.

– Ну, ты чего там?! – заорал Серёга.

В одной штанине я поскакал к двери, открыл.

– Совсем задрочился? Ночи не хватило? Полчаса уже стучу.

Серёгино лицо в волнистых складках и разнообразных помятостях напоминало одеяло-попону. Его лысая голова – обычно победно сверкающая – выглядела неприглядно, как головка старого заветренного сыра.

– Ну, ты хоро-о-ош... – протянул Серёга. – Хо-о-ро-о-

ош!.. До утра, бля, нельзя одного оставить.

А девка где? Побежала фату покупать? Ты же влюбчивый крендель... Со школы ещё помню: как кому вставишь – сразу любовь до гроба и завтра жениться.

А?

Или ты её за обман у фонтана закопал? За то, что девственность не сберегла для тебя?

А?!

Что молчишь?

Карту-то не проебал, Ромео?

Я метнулся к ботинкам, отогнул стельку. Карты не было. Карты, на которую я положил в Москве двести тысяч евро.

– Серёг, карты нет. Нет карты! Я ей из кармана расходную карту отдал. Тысяч десять там было...

– Долларов?

– Ну, да...

– Как это ты? А зачем отдал? Зачем она ей без пин-кода?!

– Сказал код.

– Ну, ты даёшь! Хотя... Могу представить. Меня тоже моя пыталась на бабки раскрутить. Это же пиздец.

Просто пиздец.

Сладкий сон контуженного евнуха.

Типа – кто служил, тот в цирке не смеётся. Так и здесь – мне после Рушаны этой... или Ревшаны... не помню, бля...

порнушку долго смотреть не захочется. Ты прикинь – она себе прямую кишку на два метра наизнанку вывернула и меня в неё закатала. Как в ОЗК.

– В какую ОЗХ?

– Костюм химзащиты. Как гондон, только хуже. Глюки, конечно – я понимаю, но я...

Серёга замолчал, подвигал сосредоточенно губами и языком, вытащил изо рта выющийся чёрный волос, осмотрел.

– Тьфу, бля!.. Надеюсь, с передка хоть, а не из жопы. Был такой министр в Конторе – Абакумов Виктор Семёныч, в сталинское время ещё, у него любимая пословица с языка не сходила: «Голос, как в жопе волос – тонок и нечист». Твоя, кстати, передок бреет? У Рашифы... Рамисы... там такие заросли, разведроту можно спрятать... Ладно, не трусись, вот твоя карта.

– Ты? Ты взял?! Вчера? Пока спали? И поэтому согласился, чтоб я уехал? А если б я реально уехал?!

– Ладно, не бухти. И так голова трещит. Благодарить должен, сейчас без ничего бы остался, Ромео. Алик, это бизнес, не сердись. Я ж не украл, я для дела. Дело бы сделал и вернул с наваром. Ты должен понимать, что...

В дверь постучали.

– Да-да! – сказал я.

– Кто там, бля?! – спросил Серёга.

Вошёл водитель Аюпа и поклонился.

– Доброе утро, здоровья и счастья вам. Ночью маленький проблема был, женьчин вач деньги взял, извините нас. Вот вач деньги. И карта.

Поклонившись ещё раз, он протянул пачку долларов и карту.

– Извините нас. Посчитайте, пожалуйста.

Я пересчитал. Десять тысяч с копейками.

– Что теперь... с Лилей будет?

– Как скажете, так и накажем. Как скажете.

– Не надо наказывать. Пожалуйста.

Водитель пожал плечами.

– Аюп-муаллим ждёт вас.

– Сколько у нас времени? – спросил Серёга и с силой растёр ладонью лицо.

– Один час. Один час надо быть Аюп-муаллим. Немножко чай попьёте, покушать, потом поедем. Я вас на Душанбе отвезу. Доюомент готов.

– Как... поедем? Какой Душанбе?! Мы же?... А?... – шагнул Серёга к водителю.

Тот поклонился.

– Один час есть.

– А... побриться, в порядок привести себя?

– Поедем, по дороге. Парикмахер возле банк сидит. По дороге.

Водитель приложил руку к сердцу, попятился к двери.

– Машина на двор стоит.

* * *

Сегодня нас посадили спиной к бурым шарам. Передо мной шумела листвой чинара, справа темнели рефлекторные стёкла «Боулынг-ханы».

Аюп по-прежнему сидел лицом к горам, задумчиво шурялся. Не поднимаясь со стула, поздоровался кивком, руки не подал. Только повёл ладонью над скатертью, приглашая садиться.

– Доброе утро, здоровья и счастья вам. Хорошо отдохнули?

Мы синхронно кивнули.

Пока я шлялся по «Точикистон ситора банк», Серёгу побрили и привели лицо в порядок... но наши красные глаза и пересохшие шелушащиеся губы убедительно свидетельствовали об интенсивности ночного отдыха.

– Хорошо. Угощайтесь. Пейте чай, сейчас принесут суп-шавля. Суп-шавля у нас делают из бараньей мошонки, мужчине по утрам хорошо, когда устал немножко.

Аюп говорил тихо, бросал в рот чёрные изюминки, запивал чаем.

– Покушайте, документ на проезд готов, Мушкалишо вас отвезёт. Но если хотите одни уехать, езжайте одни. На всякий случай комнаты в гостевой до вечера за вами.

Аюп наполовину прикрыл веки, как бы заранее соглашась с любимыми нашими прихотями, положил ладони на стол.

– Пейте чай, пейте. У нас маленький город, не Москва, у нас только чай лучше, чем в Москве.

– Но... мы же вроде договаривались... что значит «уезжать»? Так дела не делаются. – Сергей пытался говорить веско, с напором, но голос его срывался.

– Да, да. Я скажу.

Чтобы вы в Москве не думали, не говорили: «Аюп как женьчин – вчера обиделся, сегодня каприз делает», я скажу.

Я в делах на свои обиды не смотрю. Как у нас говорят: «Садбарг бе хор, набошаду гушт бе устухон» – «Розы не бывает без шипов, а мяса – без костей».

Или как в России говорят: «Мухи – отдельно, котлеты – отдельно». Если бы я продавал простой товар – сушёный инжир или конский волос для матрас – я бы много не думал. Ваши деньги – мой товар. Встретились, отдали – хоп!.. до свидания. Мой деньги сгорели, твой машина с инжир в пропасть упал – какой проблема? Сделка закрыта.

Но у нас сложный товар. Как ты думаешь? – Аюп вытянул подбородок к Серёге.

Серёга кивнул.

Быстро кивнул, гораздо быстрее, чем предполагал размеренный темп речи Аюпа. В его руках дрожала пиала с красно-кирпичным чаем. Чай ходил ходуном от стенки до стенки, Серёга осторожно поставил пиалу на стол.

– Да, это сложный товар...

Вот посмотри. Мы сидим, кушаем, говорим слова, потом вы ничего не скажете, хотите уехать.

Пусть говорят: «От Аюпа гости убегают, Аюп гостей не встретил, не проводил, плохо угощал, плохо принимал, гости бегут».

Пусть. Я потерплю.

Но я не понимаю, зачем приехать, покушать, ничего не сказать и уехать? Значит, ты не хочешь дела делать?

Ты мне говоришь: «У меня кэш нет, у меня деньги на карте». Чтобы я знал. Это значит – Аюпу верить нельзя, про это

Аюпу за столом говоришь.

Пусть. Я потерплю.

Но я не понимаю опять.

Зачем тогда нечистый девка карту давать, чтобы она ночью по городу бежала, твой деньги брал? Тогда нужно с нечистый девка дела делать, а не с Аюпом. Аюп старый, он не понимает такие вещи. Может, теперь в Москве так дела делают, я не знаю. Если так – пускай так. Я не умею так.

В голосе и на лице Аюпа не было ни тени усмешки или иронии. Спокойное лицо с выражением вежливой скорби, так сидят на поминках дальние родственники.

Серёга сидел красный, опустив голову и сжав кулаки.

– Ты думаешь – Аюп слова крутит, обидеть вас хочет. Не хочет. – Аюп бросил в рот пару изюмин, отряхнул пальцы. – Не хочет. Я не понимаю.

А когда я не понимаю, я сложный товар не могу отдать. Вдруг ты Самарканд на базар сядешь, начнёшь товар стаканами продавать? Милиция подойдёт, спросит: «Чей товар?», ты скажешь: «Аюп давал». Зачем мне это нужно?

В дороге разные вещь может быть – полиция, милиция, пограничники, собаки, таможня. Много сложный вещь может быть. В такой сделке все партнёры должен понимать друг друга.

А когда я не понимаю, я не верю. А когда я не верю – я

закрываю сделку.

Сергей молчал. Голову он так и не поднял.

Молчал и Аюп.

Мушкалишо сидел за соседним столиком, стерёг каждое движение Аюпа, как хорошо обученная овчарка.

Прошла минута. Вторая.

Официант принёс суп, Мушкалишо остановил его жестом. Официант встал поодаль, не приближаясь. Ждал.

Прошло три минуты.

Аюп шурился на далёкие горы. Официант смотрел прямо перед собой. Не переминаясь, не облакачиваясь.

– Что это за трава? – спросил я у Мушкалишо, чтобы прервать тяжёлую паузу. Показал на высокую – по грудь – траву, сплошным зелёным ковром лежащую на обрывистом склоне площадки. Мощный, как у бамбука, стебель и густые пушистые метёлки. – Необычная трава. Как кустарник.

Мушкалишо покосился на Аюпа. Очевидно, уловил незаметный знак, позволяющий ему говорить.

– Дарахт. «Трава-дерево». Называется – дарахт.

– Прошу прощения, – сказал Серёга, поднимая глаза. – Мы... не подумали, что наши действия будут так поняты.

Это мой косяк, я больше не допущу такого. Простите нас за проявленное неуважение. Но к товару и сделке я отношусь с полной ответственностью. Я прошу Вас, Аюп... Аюп-муаллим. Не закрывайте сделку.

Аюп внимательно посмотрел на Серёгу. Снова замолчали. Потянулась длинная тяжёлая минута. Вторая.

– Хорошо. Может казаться, что мы не выполняем своих обещаний. Я продам товар. Всегда лучше решить дело миром, чем уйти с обидой. Но особой цены теперь не будет. Цена – как для всех. И десятую часть отдадите Алишеру. Это справедливо? Если нет – скажите.

Серёга кивнул.

– Я не понимаю, когда ты молчишь. Это справедливо или нет? Скажи, я должен слышать.

– Да. Справедливо... Аюп-муаллим.

– Хорошо. Если согласны – в пять часов будьте готовы. Учтите – доллар не нужен, евро тоже. Это неудобно. Сомони или афгани. Мне удобней афгани. С рук не меняйте ни у кого, какие бы цены не предлагали, это опасно. Мушкалишо, объясни, где находится банк.

– Мы знаем, – сказал Серёга.

– ... Можете съездить в банк на Душанбе, – прикрыв веки, сказал Аюп. – До пяти успеете.

– Но... передача товара пусть будет... в... людном месте, – сказал Серёга, запинаясь, не глядя в глаза Аюпу.

– Где хотите, – равнодушно ответил Аюп. – Здесь устроит?

– Да, – сказал Серёга.

Мушкалишо сделал знак рукой, и официант поставил суп на стол.

Мы уточнили детали в «Точикистон ситора банк», заказали сумму и поехали в гостиницу спать. В банк вернулись в полчетвёртого.

Сняли с карточек деньги, обменяли на афгани тут же, в соседнем крыле банка.

В пять часов жара спала, на площади опять визжали мальчишки, гуляли молодые мамы.

Мы подошли к столику, Сергей впереди, я – за ним. Сергей вопросительно посмотрел на Аюпа.

Аюп кивнул водителю, тот вытащил из-под столика два небольших плотных тючка и, слегка расставив руки в стороны, передал их Сергею. Серёга сделал мне знак и я поставил на стул перед Аюпом наши сумки, битком набитые афгани.

Как только Сергей принял тючки в руки, Мушкалишо танцующим плавным движением обошёл его сзади и воткнул ему нож в позвоночник между лопатками. Нож в его руке сидел плоско, параллельно земле, как миска с супом в пальцах

официанта. Длинное кривое лезвие вошло между позвонками с лёгким хрустом, как в зелёное яблоко.

Серёга вскрикнул, изогнул спину, дёрнулся вперёд, тючки выпали из его рук, мягко стукнулись об асфальт, он потянулся, чтоб их поднять, замотал головой, и разом осел вниз бесформенным кулем. Как пустой костюм... как давным-давно, много лет назад, упал костюм в моей квартире. А ведь это же он тогда и звонил, когда вешалка упала, он звонил, нет, это Юлька звонила, нет – Серёга...

Мушкалишо, мягко припуская на ноже вес Серёгинаго тела, нагнулся, приобнял его другой рукой, спокойно растегнул куртку, вытащил из кобуры пистолет, осмотрел подарочную табличку на рукоятке.

«Это от генерала Рогожкина!..» – хотел крикнуть я.

Сергей лежал на асфальте лицом вниз, руки и ноги подёргивались коротко и непонятно, как у спящего.

– Это – старый афгани, – разочарованно сказал Аюп. – Зачем вы принесли старый афгани?

Он вынул из сумки пачку банкнот, пролистал её, бросил на землю, вытащил вторую, третью, тоже бросил. Серо-зелёные купюры шевелились на ветру, как листва приарычных карагачей. Зелёная вверху, белёсая снизу. Да, точно, это Серёга тогда звонил.

– Это некрасиво, вы – обманчики. Эти старый афгани шесть лет назад отменили. Меняли на новые и старые сожгли. Вы – обманчики. Аюп для вас – огородное чучело.

– Алик, беги!.. Беги, Алик!.. – закричал Серёга.

Я вздрогнул, закричал и, уронив стул, метнулся вниз с обрыва, в густую траву дарахт, вжался в землю между крепкими одревесневшими стеблями и пополз. Высокая шапка густой травы не пропускала солнца, но всё равно было слишком много света, я зажмурил глаза, извивался и втискивался в землю.

Грохнул выстрел, второй.

Хватаясь за толстые корни, царапая ногтями землю, пополз ещё быстрее, рука вдруг провалилась, не нащупав опоры, и я покатился вниз по склону, больно ударяясь о камни боками, грудью и головой, радуясь этой боли и наслаждаясь ей. Эта боль не жуткий толчок пули, это всего лишь камень, кочка, корень.

Мне больно, я жив.

Я пролежал в траве до темноты.

Я уснул, проснулся, лежал с закрытыми глазами.

Ничего, ничего. Деньги есть, ночью выйду из города, доберусь до Душанбе... ничего...

Серёга. Я вспомнил шорох стального лезвия – рвёт куртку, раздвигает позвонки – вздрогнул и стиснул зубы. Из-за

меня всё, это я Лиле карту отдал.

Нет, это ни при чём, Серёга сам виноват: зря он кораном подёбывал Аюпа в первый день... нет, началось с того, что я голов испугался... как же мы афгани не провери...

В голову плеснуло жаром, сердце противно засбоило.

Серёге ведь СНАЧАЛА всадили нож!

Сначала! И только потом Аюп открыл сумку!

Да нет, наверно, у меня всё перепуталось в голове...

Скорей, скорей! Пока темно, надо успеть уйти подальше, выйти на дорогу, где-то должны быть наши военные... в Таджикистане ведь есть наши части!... я с тоской вспомнил хмурого родного капитана в душанбинском аэропорту... надо идти... прочь от этого жуткого города. Я вспомнил плоские стены, неживые улицы, пыльные пустые глаза таксистов, ускользящий взгляд водителя-душанбинца. Головы на траве.

Головы.

Нет!!! Нет!!!..

Падая и спотыкаясь, по обрывистому склону я обогнул город. Идти вдоль горы очень неудобно – приходится всё время поджимать одну ногу и вытягивать, удлинять другую. Вышёл на дорогу и тут же повернул обратно в спасительную траву.

Из города вниз вела только одна горная дорога, на ней у

дурацких железных ворот стояли солдаты.

Местные солдаты.

После ворот над шоссе нависала скалистая стена, с другой стороны мой травянистый обрыв превращался в каменную пропасть.

Ничего, ничего... найду дорогу. Днём отлежусь под кустами, буду идти ночами. Деньги есть, надо только выйти на дорогу, вырваться отсюда... на дороге договорюсь... ничего... по горам пройду, пробе...

Я споткнулся, зацепился правой ногой, вывернул лодыжку и полетел вниз. Встал, лодыжка взорвалась резкой болью, я снова упал. Не поверил этой боли... я ведь только что нормально шёл, всего секунду назад... попытался осторожно опереться на правую ногу, заскулил и сел. Казалось, что щиколотка наполнилась острыми горячими осколками костей. Продолжая скулить и хныкать, я лёг лицом в траву.

Нет, нет... лежать нельзя, теряю время, силы уходят... утром меня будут искать... надо идти. Прополз на четвереньках до невысокого деревца, наломал разлапистых веток, приложил к лодыжке со всех сторон, стащил майку, разорвал на бинты, плотно обмотал. Опёрся на толстый прямой сук, попробовал встать.

О! О!!! О!!! ООООО!!!

Ничего... ничего!., надо терпеть! надо идти... Ничего, ни-

чего...

Нет. Не дойду, не смогу. Без дороги, по горам – не дойду. И по дороге не дойду.

Я повалился в траву.

Надо найти Лилию! Точно! Точно!!!.. Она хотела уехать, я помогу ей!.. Она местная, всё тут знает, деньги у меня есть... Лилия меня выручит, мы вместе уедем!., в Москве я ей помогу... на первых порах поживёт у меня.

Я представил голую Лилию на кровати в моей московской квартире... в Сбербанке осталось почти двести тысяч евро... шумный надёжный простой город... телефоны, посты ГАИ, огни рекламы, гул машин, бесконечные пробки, ночные рейсеры возле МГУ... недосыгаемая волшебная мечта. Я застал.

Лилия! Она меня спасёт! Только она! Она знает, что я простил её за карту и не требовал её наказать. Она хочет уехать отсюда, мы уедем вместе!

Вместе. Ей нужны деньги, я помогу ей, она поможет мне. Она сделает всё для меня, я сделаю всё для неё. Лилия меня спасёт!

Поскуливая от острой боли, я ковылял вдоль белых заборов-дувалов, крался в центр города, над пустыми улицами сияла круглая луна. Ночной воздух наплывал слоями, тёплые запахи цветов сменялись горным холодком.

Древние фонари в жестяных перевернутых воронках ка-

чались над перекрестками, в смешанном свете луны и фонаря переливающаяся под ветерком листва карагача казалась мертвенно-бледной как рыбе брюхо.

Сторожа я увидел издалека, он шел по улице упругой спортивной походкой, постукивая палкой по дверям и напевая.

Я сполз в канаву, прижался к стволу дерева. «Дерево» – «дарахт», – вспомнил я.

В ледяной воде ломило ноги, распухшая горячая правая приятно остывала, левую – под которой всего несколько часов назад лежала карта на двести тысяч евро – сводило невыносимо.

Сторож скрылся из глаз, я вылез из канавы. Миновал перекрёсток, вышел на банковскую площадь и не поверил своим глазам.

На левом крыле банка, там, куда мы принесли обменять на афгани валюту, снятую с двух карт – не было вывески, не было придорожного штендера, не было таблички с курсом валют, не было даже занавесок на окнах.

Мёртвые пустые глазницы окон на плоском фасаде. Холодное сияние луны, как свет люминесцентных трубок в безлюдном больничном коридоре с отбитым кафелем, цвирканье и скрип насекомых, как щелчки реле.

Я стоял и смотрел. От мокрых бинтов к животу тянуло холодом, как будто стою по пояс в ледяном арыке.

Просто и элегантно.

Как котят.

Без всякой хаомы.

Сами сняли наличные с карты, сами принесли в обменный пункт и отдали.

Как же так.

А если бы мы уехали?! А если бы поехали менять в Душанбе... Аюп ведь разрешил?.. Нет. Нас назначили жертвами сразу, ещё в Москве. Ещё в Москве.

Мы просто облегчили им задачу.

Я облегчил. Заочковал. Не пришлось трудиться нас мучить, узнавать пароль, мы всё сделали сами.

Зачем Аюпу этот спектакль?

Какая разница.

Может, нужны были чистые деньги на счету?.. Мы сняли деньги с карты, сами отдали в кассу.

Может, в собственных глазах и по мнению жителей Аюп должен быть справедливым и карать только за обман.

Может, просто хотел накормить духов. Духи. Арвохъ.

Какая разница. Неважно. Рваться с расспросами к Аюпу или Мушкалишо я не буду.

Ничего, ничего... Дождаться утра, найду Лилю... Лиля поможет.

Двое мальчишек убрали стулья с обзорной площадки, подметали перед боулингом. Зелёный свет луны, на площад-

ке пусто. Шелест чинар, крики птиц, глухие хрипы и стоны ночных зверей.

Десять долларов.

Подставив плечи, повели меня на ночлег, услужливо распахнули дверь.

Боковая пятиметровая подсобка в боулинге, щётки, тряпки, на полке пыльные шары с вдавленными-ноздрыми, огромное, почти до пола, окно смотрит прямо на площадь. На полу грязная кошма и грубое одеяло-попона.

Стандартная опция.

Мальчишки, кланяясь, вышли, я разулся, одежду снимать не стал. Упал на кошму и мгновенно уснул. Без сновидений, без мыслей, без кошмаров.

Проснулся от луча солнца, смягчённого тёмным стеклом, огляделся вокруг, потряс головой, вспомнил.

Откинул одеяло, сел, посмотрел в окно.

Через площадь шли Тощая с Лилей, смеялись, шаркали тапками без задников – мне показалось, что я вижу розовые Лилины ногти.

Удача!

Я метнулся обуваться, распухшая багровая нога не влезала в ботинок. «Голеностоп» – вспомнилось спортивно-медицинское слово.

Затянул потуже тряпки, поднялся и замер. От фонтана прямо на меня шёл Мушкалишо, перед ним бежали ночные

мальчишки, на ходу оборачиваясь, что-то объясняя и показывая руками в сторону боулинга.

В мою сторону.

Я присел. Так я видел только ноги. Быстро приближающиеся ноги. Длинные мужские и две пары мелких. И за ними – головы на газоне. Шесть буро-коричневых и одна, с краю, розово-красная. Розово-красная подёргивалась и чуть заметно шевелилась.

Где-то читал!., помню... да, читал!., откусить себе язык... мгновенная смерть. Я высунул язык и укусил, боли не было, только слегка заломило за ушами.

Разжал челюсти, их силы не хватило даже прокусить кожу. Впился себе в запястье. Перегрызть вены проще.

Успею. Смогу.

Сдавил челюсти. Крепче, ещё крепче.

Замер с прикушенной кожей, не в силах сжимать зубы дальше. Посмотрел на белую скобку на запястье и схватил одеяло. Изогнулся углом, раскорячил руки и ноги, распластываясь, как лягушка, вывернул ступни в разные стороны, голову – набок, закрыл глаза и взбил над плоским собой одеяло-попону.

Меня нет. Меня здесь нет! Нет!

«Арык бежит, Большой бежит, Вода несёт прохладу, Голодный тигр Давно не спит, Его убить нам надо», мелькнул

в голове стих Аюпа-муаллима.

В замке завозили ключом, проворачивая механизм,
скрипнула дверная ручка, по-птичьи завизжали петли.

«Я тебя любила, Только я забыла, Как меня сгубила...»,
бросилась под одеяло музыка с площади.

Вадим Чекунов (Кирзач).

Шанхай :: Куличики

Чудесно лето. Чудесно небо – светлое, голубое, розовое – фруктовый пломбир растаял, растёкся над Москвой, дразня вечерней прохладой.

Пятница.

Зашипела натруженной пневматикой престарелая электричка. Забубнил машинист привычной скороговоркой названия станций, что преследуют без остановки. Всхлипнув, сомкнулись обрезиненные двери.

Поехали.

«Он сказа-ал: «Пое-ехали!» – и махнул руко-оой...» – заветелась в голове строчка забытой песни.

Гагарин, забытый кумир забытого детства, летел к сияющим звёздам, помахивая рукой в толстой белой перчатке.

Егоров, лысеющий сразу в двух местах – прямо надо лбом и районе макушки – менеджер «Седьмого континента» ехал на дачу, попивая прохладное «Клинское».

В синей сумке с удобным ремнём через плечо и боковым карманом на молнии – пара толстых батонов докторской, тушка липецкого цыплёнка охлаждённого, какое-то «Юбилейное» печенье и ещё уйма всего по списку, надиктованному женой на автоответчик.

К выпуклому боку сумки привалился пакет с ковбоем на

лошади. В пакете томились, исходя капельками влаги, тёмно-зелёные, обновлённого дизайна бутылки.

Под ними, в жёлтой капроновой сетке, подарок Антошке – лопатка, совочек с грабельками и целый набор трогательно-округлых, свежо пахнущих пластиком формочек. Бабочка, коровка, рыбка, лошадка и кто-то ещё, кого Егорову, сколько не теребил он в магазине сеточку, разглядеть не удалось.

Солнце, прыгая по ветвям проносящихся за окном деревьев, брызгало в глаза предзакатным золотом.

«Наверное, доеду когда, Тошка спать уже будет...» – Егоров сунул под скамью пустую бутылку и протянул руку к пакету. Ухватил за влажное горлышко новую, приладил под зубчики пробки торец зажигалки.

Умело, с негромким «чпоком» откупорил.

Смахнул пальцем выступившую пену и, слегка проливая на бородку, сделал несколько глотков.

Благодать, благодать, благодать!

Мелькали за окном дачные посёлки и проносились, пронзительно вскрикивая, встречные электрички. Змеились волнообразно толстые жгуты проводов.

Странное, светлое и спокойное чувство уютно укутало Егорова, снисходительной радостью наполнило все его существо. Блаженно щурясь, он принялся разглядывать попутчиков.

Напротив, сдвинув кустистые брови и прикрыв один глаз, восседал престарелым грифом типичный дачный дедулька, каких в каждом посёлке по несколько штук – активисты правления и выживающие из ума садоводы. Вторым, открытым глазом, дедок недовольно поглядывал то в окно, то на Егорова.

Когда в вагон заходил с неизменным «Уважаемые пассажиры! Всем доброго пути и здоровья!..» очередной торговец, мятая кожа второго века приподнималась и, склонив голову на бок, гриф настороженно прислушивался к торопливым посулам душевного и физического комфорта, что легко могут приобрести всего за десять рублей вместе с иголкой с самопродаваемым ушком.

Рядом с дедком, сторбившись и сложив на колени крупные, со вздутыми венами кисти рук, сидел в грязноватом джинсовом костюме мужик-работяга с потухшим взглядом.

Этот и не на дачу едет вовсе, – подумал Егоров. Таких как он тысячи, со всего Подмосковья тянутся, на любую работу, нет ничего у них самих. Какая тут дача...

У прохода, закинув ногу на ногу, подёргивал головой в такт доносившегося из наушников его плеера дребезжания худющий паренёк лет шестнадцати. Острые коленки отчетливо проступали под тканью застиранных джинсов.

Лицо паренька, как и у всех в этом возрасте, было нерв-

ное, напряжённое и глупое.

Егоров отогнал от себя мысль, что не успеешь оглянуться, как и Антошка, этот славный белообрый карапуз станет таким же вот прыщавым и угрюмым созданием.

«Да ладно, а то сам таким не был!» – усмехнулся про себя и, взглянув в окно, нагнулся к сумке и пакету, зашуршал, поправляя, разглаживая, чтобы поудобнее взяться.

Супружеская пара слева от Егорова, обоим за сорок, теребила страницы «Отдохни!» и билась над «так в старину назывались бродячие торговцы мелким товаром». Мужа, усатого, морщинистого дядьку, заклинило на коробейниках, но те были слишком длинны и не влезали в положенное число клеток.

Его жена, полнорукая, в цветастом платье, закатив глаза, занималась словотворчеством, пытаясь нащупать какое-то смутно знакомое ей слово.

– Олифа... – со вздохом и покачиванием головы слово отбрасывается. – Нет, не то... Фалафель?.. Тоже нет, букв много.

– Ты ещё скажи – флейфе, – подёргал себя за кончик уса муж и как-то особенно страдальчески наморщил лоб. – Да ёшкин кот, что ж за слово-то? Пять букв... – дядька всерьёз разнервничался.

– А флейфе твоё – это что такое? – подсчитав, загибая

пальцы, буквы в слове, жена вновь покачала головой. – Не подходит.

– Сам знаю! – муж отложил газету и устался в окно.

Егоров встал и подхватил сумки. Дедок открыл второй глаз и поджал ноги, освобождая проход. Подросток, кинув равнодушный взгляд, ноги не убрал.

– Из кино это, женщина. Плохой человек – редиска. Хороший человек – флейфе. «Джентельмены удачи». Классика! – подмигнул Егоров толстушке. – Убери лапти, пасть порву, моргалы выколю! – это уже юному поколению, одновременно с толчком сумкой.

И взгляд – спокойный и прямой, в переносицу.

Юное поколение отвело глаза, засопело, заелозило, но ноги из прохода убрало.

Только так с ними и надо.

Маленькая победа доставила удовольствие. Уже направляясь к тамбуру, Егоров обернулся и снисходительно обронил:

– Офеня. Офенями назывались они. Которые по вагонам теперь ходят.

Усач собрал на лбу глубокие волнистые складки и схватился за газету.

Постукивая и подрагивая, электричка подползала к платформе.

В тамбуре было накурено и душно.

Егоров с нетерпением побарабанил пальцами по мутному, исцарапанному матерщиной стеклу двери. «НЕ ПИС ОТЪ-СЯ» – прочитал подправленную кем-то надпись и вдруг почувствовал прилив раздражения.

Еоды проходят, а люди всё те же. Как были козлами, так ими и остались. С детства, сколько себя не помнил Егоров, столько он и встречал это дурацкое и безграмотное «не пишотся».

Егоров глубоко вздохнул и заставил себя успокоиться.

«Синк пазитив», – учил их на курсах рыжий и долговязый психолог Стив. «Трай ту би э литл мо оупен ту лайф экспириэнс. Эни бэд сингс куд би э риали пазитив экспириэнс фору».

Рыжий Стив снимал огромную квартиру на Тверской, куда и зашли однажды непрошенные посетители. Апологету позитивного мышления сломали несколько рёбер и изрядно подпортили труды его личного дантиста. Потом связали, заперли в ванной и не спеша приступили к работе.

Дело было в субботу утром. Хватились психолога к обе-

ду в понедельник. Развязаться он за всё это время не сумел и даже говорить смог не сразу. Такой экспириэнс оказался Стиву не по уцелевшим зубам и он спешно отбыл на свою позитивную родину.

Двери с шумом разошлись и Егоров шагнул на платформу.

Темнело.

Воздух здесь был ощутимо гуще, прохладнее, свежее, несмотря на примесь станционных запахов.

Егоров дождался отхода электрички, поставил сумки на край платформы, ловко спрыгнул вниз, подхватил синюю сумку за ремень, закинул на плечо, звякнул пакетом и зашагал по рельсам, чувствуя себя молодым и дерзким.

Остановился на минуту, достал предпоследнюю бутылку «клинского». С громким хлопком открыл её зажигалкой, сунул сигарету в рот, прикурил и, делая на ходу длинные глотки, направился в сторону шоссе.

Теперь уже скоро – за поворотом, минуя сельпо, налево, вдоль нового посёлка, потом через совхозное пастбище, а там и участки.

Удобно, когда от станции – пешком.

На асфальтовом пяточке у сельпо, которое и не сельпо уже давно, а обычный коммерческий магазин, былолюдно.

Из припаркованной у входа девятки через открытую водительскую дверь рвался на свободу «Владимирский централ».

Сам водитель, здоровенный, бритый наголо парень в поддельном адидасовском костюме, с достоинством грузил в багажник ящики «Бочкарёва». За ним с завистью наблюдали несколько совхозных ханыг, покуривая вонючие сигаретки.

На бетонных блоках, сваленных у магазина неизвестно кем и когда, расположилась местная молодёжь.

Внимательный к мелочам менеджер Егоров отметил, что лёгкие напитки, предпочитаемые подрастающей сменой, год от года крепчают. Этим летом поголовно в почёте девятая «Балтика» и очаковский джин-тоник, мерзкие пойла славных когда-то заводов...

– Женья?.. – кто-то вдруг вопросительно окликнул Егорова по имени, и пока тот пытался припомнить голос и разобрать в полумраке, кто его зовёт, тот же голос радостно и утвердительно завопил: – Женька! Здорово, бля! Не узнаёшь, что ли?

Жизнерадостно дыша свежим перегаром, на Егорова надвинулась улыбающаяся физиономия Лёшки Завражинова, дачного друга детства с соседней улицы, озорника, хулигана, пьяницы и начальника пожарной службы.

Потряхивая остатками светлых кудрей на круглой и крепкой голове, Лёшка, сжимавший в каждой руке по бутылке водки, заграбастал Егорова в объятия и, не выпуская тару из рук, похлопал его по спине.

Поллитровки ощутимо ткнулись в спину Егорова.

– Тише ты, Леха! Полегче, полегче, – Егоров, руки которого тоже были заняты пакетом и «клинским», сжал Завражинова локтями, обозначая объятие.

Высвободившись, сбросил с плеча сумку, переложил бутылку в левую руку, обтёр правую о джинсы и протянул её другу:

– Ну, здорово! Как сам?

Завражинов поставил водку себе под ноги и пожимая руку, улыбнулся во весь прокуренный рот:

– Да лучше всех! Вторую неделю в отпуске. Еуляю потихоньку тут. За добавкой, видишь, пришёл. Маринка только вот... – Завражинов скривился. – На выходные припрётся, всё настроение портит. Ходит и пиздит всё, пиздит... То не пей, то полей, то вскопай, то сарай... А ну её... Тут твою видел, со спиногрызом... Гуляла с ним у пруда. Ничего, хорош пацан получился, на тебя похож, только бороды нет, – вытирашив глаза и слегка разведя руки, Лёшка захохотал в своей обычной манере, с каким-то нутряным бульканьем.

– Лех, ты это... – Егоров автоматически провёл рукой по бородке. – Не надо так – спиногрыз... Ну, какой он спиногрыз... Он сын мой. Понимаешь – сын! Мы его семь лет с Наташкой ждали, думали, всё, не судьба... Так что не надо, ладно? Ты не обижайся, я тебе как другу, хорошо? Не надо.

– Говно вопрос! – и не подумал обижаться Завражинов. – Замётано! А и то – сын ведь, не то что эти... Хорошо, в лагерь сплавил на две смены, а то ведь как соберутся вместе, да ещё с тёщей в придачу... От баб одно зло. Ты уж мне поверь.

У Лёхи было две дочери-школьницы, жена-следователь и тёща по имени Эльза Генриховна, из бывших.

«Главное, – жаловался как-то Лёха Егорову, – не выпить ни хрена из-за этих баб. Ну ладно, жена с этой, Адольфовой... С ними всё ясно. Так они и старшую, Ленку, подучили. Приду уставший, нет чтоб помочь раздеться – сидят, морды воротят. И Ленка тут как тут, в пижаме, из детской выходит – опять, папа, водку свою пил? Нет, ты прикинь! А тут было как-то... Оставили меня, значит, с младшей сидеть, сами в садик Ленку устраивать пошли... Ну, я их выпроводил, погуляйте там, говорю, не спешите. Светка спит, считай, один дома почти. Я на кухню, из-за холодильника, там у меня нычка в стене, настоечку достал, бутербродик там за-

бацал, наливаю сто пятьдесят, только поднёс – орёт Светка из детской. Ну, я к ней, бутылочку там с молоком, соску-хуёску, покачал. Уснула. Я на кухню – выдыхается ведь. Только стакан тронул – орёт опять. Ничего, думаю, подождёшь. А вот, прикинь, не пьётся как-то, под вопли детские. Думаю, чего кайф портить, угомоню её, да и расслаблюсь. Час угоманивал, а там и эти вернулись. А на столе в кухне – стаканчик нетронутый, и в пузыре больше половины было... Всё в раковину вылили, бляди. И не поверили, что не пил, хоть и дышал им. Говорят, зажевал чем-то. Вот так-то, брат».

– Слушай, – Завражинов хлопнул Егорова по плечу, – а давай щас прямо ко мне, на полчаса, а? А чего, посидим чуток, закусь есть дома. К своим-то успеешь ещё.

– Не, Лёш, Наташка ждёт. И Антону подарок везу, формочки купил. Кулички лепить будем.

– Щас прямо? – искренне удивился Завражинов и даже огляделся по сторонам. Затем посмотрел на небо: – Поздновато будет. Спит твой наследник уже. А Натке позвони, скажи, ко мне зашёл, ненадолго. Есть мобильник? Или мой возьми, на вот.

– Да есть у меня... Ну, не знаю, Лёх...

– Жека, ну пойдём посидим, а то одичал я тут уже. И моя при тебе пиздеть меньше будет...

– Так считаешь? – усмехнулся Егоров, допивая пиво. Кивнул на пакет: – Будешь? Нагрелось, правда, слегка.

– Не-е, – помотал головой Завражинов, – я от пива сплю плохо. Давай у меня, под салатик, по беленькой дёрнем.

Водку пить Егорову совсем не хотелось.

– Лёх, давай так. Я сейчас возьму пивка ещё немного, для себя, ну и ты, если захочешь... Заскочим к тебе, но на полчаса всего, а то ждут ведь меня. А завтра вечером тогда посидим уже по-нормальному. Идёт такой вариант?

– Давай, дуй за пивом, я тебя на воздухе подожду. Да сумку-то оставь, я же здесь...

* * *

По дороге к дачам, Завражинов, неся пакеты с водкой и пивом, без умолку жаловался на жену и тещу. Егоров слушал в пол-уха, всё больше и больше сожалея, что согласился на посиделку, но утешал себя тем, что быстро слиняет.

Под ногами приятно шуршала щебёнка.

В прошлом году дорога была простая, просёлочная, а тут жильцы с новых дач, богатенькие буратины, скинулись на насыпную.

Сами новые дачи тянулись справа, светлыми пятнами трёхэтажных теремов выделяясь на фоне притулившейся за ними рощицы.

С другой стороны дороги разбегалось во все стороны пастбище, с роспуском совхоза запущенное и заросшее. Погова-

ривали, что и тут будут ставить участки.

Длинными чёрными мазками запрыгали, изламываясь в свете ударивших в спину лучей фар, их собственные тени. Приятели сместились вправо и пошли один за другим по обочине. Через минуту их нагнала знакомая «девятка».

– «А на сберкассе сно-ова-а лихой налёт, а до-о-ома мать-стару-ушка сыно-очка ждёт, а с неба сыплет до-ождик, я та-а-ак продрог, я до-олго дома не был, мой вы-ышел срок», – под неизменные и залихватские три аккорда нарочито благоватым голосом выкрикивал неизвестный шансонье из колонок машины.

Громкость была такая, что на новых дачах залаяли собаки. Покачивая габаритными огнями, «девятка» ушла вперёд.

– Ну что за херню поют! – Завражинов вновь поравнялся с Егоровым. – Ну, Круг, упокой его душу, хотя бы тексты нормальные давал, и пел нормально тоже. А эти, новые...

Леха сплюнул в темноту.

– Ну, так вот, – снова заговорил он, возвращаясь, очевидно, к рассказу, начало которого Егоров прослушал. – Устроила такие вопли, хоть вешайся. И ни хера я не делаю, и я такой, и я сякой... Ну, как обычно. И что участок запустил, копать ей не помогаю, и не посажено мной тут ничего, а жрать

я горазд... Ну, ты её знаешь... Главное, на моей же даче, и пиздит, а!..

А я всосал к тому времени уже литруху, сижу так, улыбаюсь, а её это прямо бесит. Или, говорит, участком займёшься, или сиди в Москве, не мешайся тут. Ага, это с Адольфой Гестаповной-то, в Москве сидеть. И потом... – Завражинов неожиданно посерьёзнул. – Мне без свежего воздуха нельзя, у меня работа вредная. Ну, так вот, слушай дальше! Ах, так, думаю, копать тебе и сеять надо, ну хорошо, бя... Взял лопату, и во двор. А поздно уже, двенадцатый час. Куда? – орёт. Да пошла ты!.. Веришь, Жек, часа три копал, по темноте, свет только на веранде врубил, чтоб не ошибиться. Все её посадки перелопатил. Все эти сраные её гладиолусы с астрами-хуястрами... Получастка перерыл, как экскаватор, даже не устал, такая злость была. Потом взял на кухне несколько пачек макарон, «Макфа» эти, знаешь... И посеял их везде, где вскопал. Вот шёл, и сеял их, как сеятель – вших-х, вшии-х-х!

Завражинов, взглянув на занятые пакетами руки, помотал головой, изображая движения сеятеля.

– Вот, говорю, зашумит тут макаронная роща – и полезно, и красиво будет. Поливай только почаще.

Егоров хмыкнул. Лёшка в своём репертуаре.

– А Маринка чего?

Завражинов ответил не сразу, с неохотой словно:

– Да чего... Не сказала ничего. Присмирела. Только... Понимаешь, жалко только её вдруг стало. Села у цветочков выкорчеванных своих, и плачет, без звука так, знаешь... Бабы... – удручённо звякнул пакетами Завражинов. – Кто их разберёт. Ну, пришли считай.

Впереди возвышалась чёрная туша водонапорной башни. Начинались участки садово-огородного товарищества «Факел», о чём извещали плохо различимые жестяные буквы на грубо сработанных из арматуры воротах.

Неутомимые шутники успели потрудиться и здесь, оторвав от названия товарищества две последние буквы.

Сколько раз проходивший до этого мимо и практически не замечавший модификации названия родного дачного посёлка, Егоров вдруг снова разозлился, как и в тамбуре недавно.

Нет, чтобы полезное что-нибудь сделать, так вот ведь – или в подъезде нассут, или с буковками упражняются...

Стоп, стоп. Что это со мной?

Устал я, вот что со мной. Невроз это называется. И старость подкрадывается.

– Да ну на хуй, какая старость?! – возмутился Завражинов. – А неврозы лечить надо. Вот сейчас по паре капель и примем, для релаксации и душевного равновесия.

На этот раз пакетами он звякнул весело, предвкушая.

Егоров вздрогнул от неожиданности. Оказывается, думал вслух.

Надо и в самом деле чуток расслабиться, а то приду весь на иголках, злой и дёрганый. Наташка-то с Тошкой не виноваты. Полчаса. Полчаса.

– А твоя точно ничего? – спросил Егоров, сворачивая за другом детства на его улицу.

– Собака лает, караван идёт! – хмыкнул склонный к изысканности и витиеватости друг. – Но на всякий случай давай лучше не в дом, а в гараж ко мне. Там у меня всё... Как у фюрера в бункере...

* * *

...То, что он, Евгений Валерьевич Егоров, тридцативосьмилетний менеджер, заботливый отец и внимательный муж, единственный сын своих родителей и просто хороший человек, вот так вот взял и умер...

В это не верилось.

Фактически это ещё не была смерть – он что-то чувствовал. Холодную неподвижность свою. Запах – ни с чем не спутать – тяжёлый, сырой запах разрытой земли. Тело его при опускании в могилу перевернулось в гробу на бок, и лицо

Егорова прижалось к гладкой, явно не деревянной стенке.

Цинк.

Слово это, холодное, жёсткое и колючее, крошками льда рассыпалось по непослушному более телу, и, силясь открыть рот, Егоров зашёлся в отчаянном сиплом вое.

Летаргический сон. Заживо погребённый. Когда-то, при жизни ещё, он читал о чём-то подобном. Все эти мрачно-красивые названия хороши лишь в книжках. Теперь же в голове крутилось лишь одно название всему...

Пиздец.

Пиздец... пиздец... пиздец... пиздец...

По крышке гроба постучали.

– Ты здесь, что ль? – хрипло поинтересовался смутно знакомый голос. – Бля, ну ты даёшь!..

Крышку откинули, и Егоров зажмурился от резанувшего глаза света.

Спасён. Живой.

Не веря случившемуся, хватаясь скрюченными пальцами за мокрую траву, пополз, волоча отнявшиеся ноги, прочь от страшного места.

Быстро обессилив, уткнулся лицом в землю и громко, в голос зарыдал.

– Не, ну, бля, хорош... Ты чего, в самом деле? – вновь раздался над ним хрипатый голос. – Не, ну у меня тоже бывает, заклинит иногда... Но ты уж совсем даёшь!..

Егоров с усилием перевернулся на спину, и прикрывая руками глаза, сквозь пальцы взглянул на говорящего.

Завражинов возвышался над ним классическим дачным исполином. Резиновые сапоги, невероятных размеров синие семейные трусы и майка-тельняшка. На плечи исполин накинул старый ватник с оторванным воротником. Во рту, как отстрелявшееся орудие, змеилась дымком папироса. Над головой демиурга нимбообразно светило солнце.

– Ты, Жень, отпуск у себя там попроси. Нервишки у тебя, того... – папироса ожила, запрыгала в губах Завражинова. – Фуфайку вот зачем-то испортил, – друг детства погладил отсутствующий воротник.

Махнул рукой:

– Да и хер с ней, на выброс давно пора. Нет, а мою ты классно вчера послал! Когда припёрлась в гараж к нам, помнишь? Вот уж загнул ты ей, в семь этажей, бля!

Завражинов развёл руки в стороны и слегка присев, захохотал, ухая и булькая, по своему обыкновению. Неожиданно он смолк, и посуровев, добавил:

– А вот последние полпузыря ты напрасно об стенку-то...

На утро ни хера не осталось. Маринка деньги забрала все... У тебя, может, есть что? До субботы следующей?

Егоров, морщась, приподнялся на локте.

В тело начала возвращаться жизнь, не в лучшем своём проявлении.

Нестерпимо болела голова, спины не чувствовалось, шея не двигалась, ноги подёргивались от покалывания прихлынувшей к ним крови.

В нескольких метрах от себя Егоров заметил лежащее на боку огромное оцинкованное корыто.

– Я что... – с трудом сглотнул Егоров, не отводя глаз от корыта. – Там, что ли...

Завражинов хмыкнул:

– Главное, ложись, говорю, на верстак хотя бы, телогой укроешься, раз в дом идти не хочешь. А лучше к своим, ждут ведь. Так упёрся, выполз в сад, всё бродил туда-сюда по грядкам... Ха! Не везёт Маринке!.. Корыто вот увидал... Вылил все удобрения, улёгся. Слышь, накрылся и бубнил ещё, что как черепаха теперь... Как уместился-то, не понимаю. По пьяни чего только не бывает, ха!.. Не помнишь, что ль, ничего?

– Какие ещё удобрения? – страдальчески проямлил Его-

ров, вяло пытаюсь сообразить, который теперь час.

– Дерьмо куриное, разведённое. Да ладно, постираешься потом... делов-то... Ты лучше скажи, у тебя башлей никаких не осталось от вчерашнего? – Завражинов нагнулся и с надеждой заглянул в глаза друга. – Нет?

Егоров ощупал влажные карманы. Вывернул один из них и на траву выпали смятые комочки десятирублёвок.

– Не густо, – хмуро обронил друг детства, разглаживая в ладонях замызганные купюры. – На пару пива, только если. Хотя можно и на «Завалинку» наскрести... Ты как?

Егоров попробовал подвигать шеей, обозначая отказ. Вышло плохо, но Завражинов понял, и даже слегка обрадовался:

– Слышь, Жек, ну, тогда ты, это... Я тогда пойду, схожу что ли... А ты это... Не в обиду... Твои ждут ведь... Ты, как помиришься со своей, заходи... Расскажешь, как и что...

Егоров вновь потрогал карманы.

– Ты если мобилу ищешь, так она в сарае, точнее, по всему сараю... И как телефон свой расхерачил, не помнишь, что ли? Бля, тебе пить вредно, – суровым докторским голосом заключил Завражинов.

– Зачем же я?.. – Егоров подтянул к себе колени и обхва-

тил их руками. Джинсовая ткань нестерпимо воняла. – Ну, зачем?

Егоров с ненавистью взглянул на друга детства.

Тот пожал плечами:

– Ну, с Наташкой повздорил, вот и... А чего она названивала весь вечер-то? Общаться мешала.

– Да пошёл ты...

Подняться на ноги Егорову удалось лишь с третьей попытки, но распрямиться он не смог – в виски будто ткнули работающей дрелью, к горлу подступила тошнота, и его вывернуло прямо на чёрные и блестящие сапоги Завражинова.

– Нет, ну ты вообще уже, что ли!.. – вытаращил глаза хозяин сапог. – Стой здесь, никуда не уходи. Вещи твои принесу.

Завражинов, брезгливо морщась и балансируя руками, стряхнул с ног сапоги. Один из них отлетел далеко в сторону и гулко ударился о борт корыта. Мягко ступая босыми ногами по траве, Завражинов направился в сторону гаража.

Плотно сжав губы, Егоров заставил себя распрямиться.

Охнул и застонал от боли.

В виски уже тыкалась не дрель, а долбили ломом.

Дри-ка-ка! dri-ка-ка! dri-ка-ка-ка! – противно орала над самой головой Егорова неизвестная птица, ловко скача по

ветвям яблони.

Лучше бы я умер, – пришла неизбежная, банальная, но единственно верная мысль.

Постанывая при каждом шаге, Егоров, не разбирая дороги, побрёл прямо по клубничным посадкам к калитке.

– На, держи! – Завражинов, успевший переобуться в пластиковые шлёпанцы, нагнал его у забора.

Всучив другу пакет и сумку, хозяин дачи похлопал его по плечу и, шаркая по линолеуму дорожки, поспешил удалиться.

Поднимаясь вверх по улице, обходя угловой участок и плетясь вниз уже по своей улице, с каждым нетвёрдым шагом приближая неизбежное, Егоров думал лишь о том, не испортились ли продукты, а если испортились, то насколько.

Особенно жаль было колбасу и цыплёнка...

Калитка оказалась запертой на ключ изнутри, и Егорову пришлось звать жену. Перелезть через забор он был не в состоянии.

Минут пять никто не отзывался, и Егоров подумал, было, зайти к соседям – внутренний забор между участками был больше условный, невысокая изгородь скорее, как вдруг занавеска окна дёрнулась, скрипнула входная дверь и на крыльце появилась Наташа, в синем байковом халате и с

чашкой в руках.

– Нат, привет! – Егоров неловко, по-брежневски, помахал рукой. – Откроешь?

Жена, поставив чашку на перила, молча спустилась с крыльца. Придерживая длинные полы халата, прошла по чуть заросшей тропинке к калитке. Не глядя на Егорова, дважды провернула ключ и, развернувшись, пошла в дом.

– Я тут продукты... и куличики... Формочки, то есть... Привёз вот...

Язык плохо ворочался в пересохшем рту.

Жена не обернулась.

Постояв немного, Егоров отёр со лба едкий похмельный пот, поднял сумку с пакетом и потянул на себя калитку.

Попав на участок, почти подбежал к крану у кухни, отвернул его до отказа, нагнулся и сунул голову под ледяную струю.

Фыркая, подставлял то затылок, то лицо, ловя губами упругий, чуть отдающий железным привкусом водяной жгутик.

Немного ожив, растёр руками лицо. Вытащил из пакета жёлтую капроновую сеточку и положил её у борта песочницы.

Оглядел себя и скривился.

Наскоро переодевшись на веранде в линялый спортивный костюм, Егоров постучал в комнату:

– Наташ, я тут Антошке подарок привёз.

Постучал ещё и, смущённо кашлянув, приоткрыл дверь.

Жена только что закончила обувать сына. Круглая головка в панамке повернулась на скрип, и Антошка залопотал, улыбаясь и болтая ногами. Перевернулся на живот, сполз с дивана на пол и, переваливаясь с боку на бок, немного крепясь вправо, подбежал к Егорову.

Егоров подхватил сына на руки. Ткнулся носом в пухлую щёчку.

– Наташ, мы пойдём в песочницу, ага? Завтракали уже?

Тон получался фальшивый, деланно-бодрый – до противоположного.

Временное облегчение от водной процедуры заканчивалось. Начало снова мутить. Голова, тяжелея с каждой секундой, валилась с шеи.

Наташа села на диван спиной к двери. Молча отпила из чашки.

Лучше не связываться, решил Егоров и осторожно приоткрыл дверь.

Собрав остатки воли в кулак, вынес сына из дома и осторожно поставил на дорожку. Антошка с интересом огляделся.

– Ты стой здесь, а я сейчас...

Егоров отошёл на несколько шагов к песочнице. В ушах звенело. Присел на корточки (в голове будто лопнула лампочка), надорвал сетку и заставил себя улыбнуться:

– Ну-ка, беги сюда! Что тут тебе папа привёз?

Смешно переставляя широко расставленные ножки и размахивая руками, Антошка подбежал к протянутой сетке. Вытаращил изумлённо голубые глаза и со второй попытки, радостно гукая, выхватил из сетки красную черепашку.

«Так вот кто там был ещё!» – Егоров вспомнил, как крутил в руках сетку, пытаясь разобрать, что именно находится внутри. «Черепашка!»

На глаза навернулись похмельные слёзы.

Черепашка. Слово-то какое..

Представил себя ночующим на завражиновском участке, укрытым чудовищным и вонючим корытом.

«Бубнил ещё, что как черепаха теперь»...

Ничего, ничего, это пройдёт, ещё смеяться потом буду, утешил себя Егоров.

– Ну, Антош, давай куличик сделаем из формочки! – Егоров протянул руку к черепашке, но Антоша завизжал и спрятал её за спину.

Тонкие свёрла завращались и вонзились, проникая в височные доли.

Егоров поморщился.

– Сынуль, дай сюда черепашку. Вот видишь, лопатка. А вот песочек. Надо насыпать в формочку, постучать сверху...

«Тук-тук-тук!» – некстати совсем вспомнился сегодняшней стук по крышке «гроба».

– ...Да, постучать, давай покажу! Да не суй ты её в рот, грязная ведь!

Антошка отступил на шаг и с ещё большим усердием принялся грызть черепашую лапу.

Егоров махнул рукой и вытащил из сетки лошадку и бабочку.

– Ну ладно. Вот, смотри, как это делается.

Песок оказался суховат, и Егоров не поленился сходить за лейкой.

– Вот видишь, папа польёт немного, чтоб куличики лучше вышли. И сейчас снова сделаем. Будут крепкие и красивые.

Антошка, с размаху плюхнувшись на попу, с интересом наблюдал за действием.

– Нравится? – подмигнул ему Егоров, осторожно приподнимая формочки. – Смотри, как красиво получилось...

Отдуваясь, Егоров поднялся с корточек, отряхнул руки и смахнул со лба обильно выступивший пот. Жара и похмелье – хуже не придумаешь.

Сейчас бы «клинского»... Всего лишь одну. Или парочку.

И часика два, а то и три поспать.

К вечеру как огурчик был бы.

«Сказать Наташке, что за продуктами на станцию схожу...» – Егоров сам подивился нелепости пришедшей в большую голову мысли.

Не стоит нарываться сегодня.

А не разговаривает – так вечно не будет же, завтра отойдёт...

– Ты что же делаешь? – почти крикнул Егоров, взглянув под ноги.

Воспользовавшись его минутным размышлением, сынуля подполз к бортику песочницы и начисто смёл все отцовские труды и старания.

– Антоша, так не надо делать. Надо учиться строить, создавать что-нибудь, а не ломать, – Егоров снова присел и тяжело вздохнул: – Давай возьмём теперь лопаточку и вот в

рыбку песочку насыплем...

Антошка цепко ухватил лопатку, ткнул ей в песок и взметнул вверх целый веер песка.

Егоров отряхнул голову и плечи сынишки. Тот радостно заливался, показывая реденькие зубы.

– Нет, так не надо. Вот тебе формо...

Второй песчаный веер угодил Егорову в лицо.

– Ты, блядь, паскудник, что ж творишь?! – прижав кулаки к зажмуренным и саднящим глазам, почти взвыл Егоров.

Ослеплённым зверем он заметался вокруг песочницы, дважды едва не наступив на заоравшего в испуге сынулю.

Под ногами хрустнула одна из формочек.

Звук этот неожиданно взорвал Егорова и он в ярости, несколькими ударами ног разметал хлипкие борта песочницы.

– Вот тебе! Вот тебе! – орал он каким-то визгливым дискантом, правым, менее ослеплённым глазом отмечая бегущую к ним из дома Наташу. – Вот тебе! Хуй тебе, а не куличики! Сука, бля! Бестолочь криворукая! И ты тоже сука! Молчишь всё, паскуда! Душу всю, падла, извела...

* * *

...Наташа с Антоном уехали тем же утром.

Егоров, заняв у соседей денег, отправился в сельпо. До обеда отпивался возле бетонных блоков пивом, заводя знакомства с местными обитателями. Там же повстречался снова с Завражиновым и долго рыдал, обнимая закадычного друга. Друг сурово и солидарно хмурился.

Взяли на всё, что имелось, и вернулись к Егорову. Врубили на полную громкость Круга и задушевно орали, подпевая.

Завражинов ушёл от него ночью, шатаясь, падая и вытирая разбитое лицо.

Егоров долго колотил по окну соседской веранды, угрожая спалить весь посёлок, если не одолжат ещё.

Ни в воскресенье вечером, ни в понедельник утром он в Москву не поехал.

В конце августа его, худющего и лохматого, ещё видели у пристанционного магазина.

С дождями он пропал вовсе.

Вадим Чекунов (Кирзач).

Шанхай :: День молодого отца

Мобильник запищал в начале седьмого.

Продрав глаза, несколько секунд я тупо смотрел в угол комнаты. Оттуда, с письменного стола и заливался трелями «Турецкого марша» мой верный Siemens.

Похмелье полоскало меня, словно тряпку в ведре.

Наконец, со скрипом и щелчком мыслительный орган заработал.

Юлька! Это же она звонит! Из роддома, бля!

Утро – перескакивая через ворох сваленной на пол одежды, я успел заметить – было ясное, солнечное, тревожно-радостное...

Кеглями разлетелись и покатались по паркету пустые пивные бутылки.

– Не спишь?.. – голос жены прерывался помехами.

– Алё! Ну как ты?! Что там, а?! – трубка выпрыгивала из пальцев.

Треск и шипение.

– Алё! Слышишь меня?..

– Слышу, слышу, – донёсся, наконец, измученный голос. –

Долго не могу говорить... В общем, я тебе Катьку родила. Три семьсот, пятьдесят три.

В кино, я часто видел – новоиспечённый отец кричит «вау!», прыгает, как подорванный, а успокоившись, сидит, блаженный, с лицом мальчика-дауна.

– Круто! – только и сумел сказать я. – Ты-то как? Жива?

Юлька вздохнула:

– Три часа голова не выходила... Порвали и порезали меня от сих и до сих... А так ничего...

В трубке издалека раздался грубоватый женский голос: «Ты мужа-то не пугай! Потом страсти-мордасти рассказывать будешь!..»

– Ну, всё, слышишь, потом перезвоню, – заторопилась жена. – Ты моим и своим позвони, скажи им там... Давай, целую тебя!

– Я люблю тебя! – прокричал я отключившейся мембране Siemens-а.

«Конец разговора с Julia» – сообщил дисплей.

Нужно выпить. Пусть в половине седьмого утра. Сегодня это не во вред.

Бог есть.

Это я осознал с необыкновенной ясностью, дойдя до палатки у соседнего дома.

Палатка работала.

Голова раскалывалась, как у Троцкого.

Отстояв небольшую очередь из таких же бедолаг, просу-нул в амбразуру окошка мятые червонцы. Получил в ответ две тёплые и тоже мятые банки очаковского «джин-тоника». Почему-то у меня сегодня всё такое – деньги, одежда, рожа, ещё недавно бывшая лицом...

Не гладко начинается день, не гладко.

Тут же, у палатки, высадил под сигарету одну из банок. Хининовый ёршик газированного спирта жёстко прошёлся по пищеводу.

Под ногами, дёргая головой, шлялись жирные неопрятные голуби. С автобусной остановки раздавалось шарканье сотен ног.

Народ волочился на работу – на другой стороне Каширки распахнулись ворота стройрынка. Снисходительно улыбаясь, я прошёл сквозь угрюмую толпу, открывая на ходу вторую банку.

Самочувствие явно разглаживалось.

Не так уж плохо всё.

Я стал отцом.

Уже вторую неделю нахожусь в отпуске. Впереди – ещё

два месяца. В профессии преподавателя, при всех её минусах, есть и большой плюс.

Каникулы. Двухмесячные летние каникулы.

Жизнь хороша.

Я присел на скамейку возле собственного подъезда.

Выудил из кармана чёрное тельце Siemens-а и разослал друзьям sms-ку: «ya stal papoi!».

Воздух прогрелся. Утро сдавало вахту.

В ветвях густого куста чирикали воробьи. Я зашвырнул пустую банку в куст. Из него шумно выпорхнула серо-коричневая стая и уселась на ближайших проводах. С минуту воробьи разглядывали потревожившего их сукиного сына. Затем по-одиночке и парами начали возвращаться. «Мухами там, что ли, у них намазано?» – говорил в таких случаях мой ротный.

Siemens затренькал сигналами поступающих sms-ок. Народ поздравлял, интересовался, кто родился. Про вес и рост спрашивали. Блин, забыл, в самом деле, сообщить.

Набирая на ходу ответ, добрёл опять до палатки. Теперь решил вдарить по пивку. Деньги, вытащенные из заднего кармана, на этот раз оказались сложенными пополам и влажноватыми.

Становилось откровенно жарко.

Три «Клинского» будет в самый раз для начала. То, что это только начало, я уже понял, разглядев слипшийся комок купюр. «Я рукой нащупал свой карман, Он мне намекнул, что буду пьян...» – пел когда-то солист «Сектора» Юра Хой. Ну что ж, держись, братан...

Шуму и гари на Каширке прибавилось – в обе стороны машины пёрли сплошным потоком.

С окрестных тополей слетали тучи пуха.

От привкуса хинина во рту начинался сушняк.

До скамейки у подъезда дошёл только с двумя бутылками – с одной закрытой и второй ополовиненной. Третью, пустую, скромным обелиском воздвиг посреди тротуара. Поскромничал, лучше пяточек брать надо было.

С удовольствием, врастяжечку допил пиво под пару сигарет. Мочевой пузырь дал понять, что переполнился. Зашёл в подъезд. Лифт, сволочь, как всегда находился наверху. Сомкнув колени и стиснув зубы, я едва дожидался его. Влетел в квартиру. В комнате надрывался телефон. Пробежал в ванную, открыл кран над раковиной и, любясь собой в зеркале, пустил тугую струю.

Дома я всегда писаю в раковину. Стараюсь делать это и в гостях. Удобно и гигиенично. Ничего хуже, чем заставить

мужчину мочиться в расположенный на уровне его колен фаянсовый горшок, изобрести не могли. Мало того, что поднятый стульчак норовит упасть под струю, так ещё сотни, тысячи мельчайших брызг неизбежно попадают на ноги. Рассмотрите внимательно ваши домашние треники и вы поймете...

Телефон не умолкал.

– Вадик, это ты?

Звонила тёща. Минут пять мы поздравляли друг друга, обсуждали рост, вес и наш изменившийся статус.

– Вот вы и бабушка, Елена Ивановна!

– А ты-то... Ты – отец теперь! Ты уж давай, не особенно пей-то там... Квартиру убрал? Юльку когда выписывают, не узнал?

Прикидываться трезвым по телефону у меня выходит гораздо лучше, чем визави. Но в случае с женой и тёщей номер не проходит. Получив наказ не шляться, лечь поспать и потом заняться уборкой, положил трубку и направился на кухню.

Как я мог забыть?!

Отнеся непростительный провал в памяти к охватившим отцовским чувствам, я решительно распахнул дверку холодильника.

Приветливо звякнув, подмигнула полная на треть поллит-

ровка «Флагмана».

Наскоро соорудил бутерброд.

Водку выпил залпом. Холодная, она почти отрезвила меня. Вышибла хмельную тяжесть пива. Прояснила взор.

Я зашёл в пустую – лишь кровать у стены – детскую.

Скоро, через несколько дней, здесь будут жить.

Провёл пальцами по перилам кровати. Нагнувшись, погладил упругий, набитый кокосовой стружкой матрас.

Сегодня у меня родилась дочь. Жена, хрупкая и нежная Юлька подарила мне крохотного – 3 кг. 700 гр., 53 см. – человечка. Жизнь пойдёт теперь иначе. Я перестану много пить, устраюсь на вторую работу. Наведу порядок в квартире. По ночам, затаив дыхание, буду подходить к кровати, вдыхая молочный аромат маленького тельца... Помогать менять распашонки. Купать по вечерам в ванночке... Моё жильё пропахнет мочой и какашками... На кухне и в ванной будут висеть мокрые пелёнки...

...Пересчитав наличность, я сходил к палатке.

Какое-то странное, онегинское беспокойство вдруг овладело мной.

Захотелось куда-нибудь съездить.

Двухлитровая баклажка «Оболони» вызвалась скрасить мой путь. Только успел подойти к трамвайной остановке, как

по заказу подкатила «трёшка». Трамвай – огромный дребезжащий уют, был почти пуст, лишь старухи с лицами из мятого пергамента ехали куда-то по своим делам.

Заскочив в салон, я сделал несколько больших глотков.

Трамвай, постепенно заполняясь, волочился вдоль задымленного Варшавского шоссе.

Солнце жарило спину сквозь пыльное стекло.

Едва не проехал нужную остановку.

Вывалился из вагона. С удивлением уставился на обилие животастых девок, деловитыми криквами снующих туда и сюда. Я зачем-то приехал на детскую ярмарку у метро «Тульская».

Неправильный опохмел давно уже привёл к повторному опьянению. На дне моей баклажки бултыхались остатки пива.

Опять нестерпимо захотелось ссать.

Туалет найти не удалось. Затравленным зверем, расталкивая прохожих, я метнулся во дворы. Каждый шаг отдавался жуткой резью внизу живота. Невдалеке виднелись спасительные гаражи.

Делая вид, что прогуливаюсь, я приставными шагами поскакал через детскую площадку, едва не навернулся на сломанную карусель.

Сил хватило подбежать к гаражам, выхватить из ширинки член, застонать и опереться рукой о жестяную стену.

Напор не ослабевал, показалось, несколько минут. Под кроссовками скопилась пенистая лужа, но мне было наплевать. Нассать в прямом смысле слова. Наконец струя иссякла. Я осторожно, не касаясь члена руками, используя резинку трусов, потряс его, наслаждаясь жизнью.

– Ты что ж, гад, делаешь, а? – раздался за спиной голос.

То, что гад – это я, огорчило. Но порадовало, что в контакт со мной вошли сейчас, а не минутой раньше. Застегнув джинсы, я обернулся.

В двух шагах, сжимая монтировку, стоял невысокий мужичок во фланелевой рубашке и грязных трениках. Мужичок гневно топорщил усы. Хозяин обоссаного гаража, предположил я.

– Ну, извини, – я развёл руками. – Сын у меня родился. Серёгой назвал.

И завис от собственных слов.

Мужичка же мои откровения почему-то взбесили. Он резко вскрикнул и сделал выпад вперёд. Монтировка – я почувствовал лёгкий ветерок – прошла в миллиметре от лица.

Надо собраться.

– Мужик, не бей! – я примиряюще выставил вперёд ладо-

ни. – Ну, прости, брат... Давай замнём, лады?..

Во время тирады, дружелюбно кивая, мне удалось сделать несколько мелких шагов в его сторону.

Мужичок пятился, выставив левую руку. Правую, с монтировкой, опустил и чуть отвёл назад. В какой-то миг он оглянулся по сторонам.

Я подал корпус вперёд.

Пять ударов основаниями ладоней в лицо. Один за другим.

Монтировка упала мне под ноги.

Мужичок ошеломлённо затряс головой.

Я добавил ему в ухо и в корпус – уже кулаком, спьяну промахнулся, удары вышли скользкие. Однако хватило и этого.

Мужичок побежал в сторону пятиэтажек. Из окон ближайшей что-то орало.

Поборов соблазн пуститься в погоню, я припустил в сторону рынка.

На пропечённой солнцем асфальтовой площади перед рынком я начал обильно потеть. Пуловер прилипал к телу. Пот стекал по лбу и застревал в бровях.

Брови впитывали влагу, как губки, и тяжелели.

Надо было догнаться.

Стычка взбодрила ненадолго. Ноги сделались какими-то

ватными, в рот словно зачихнули рулон наждака. В ушах шумело и колотило.

В кафе у вьетнашек, ругая цены, я за пару минут выпил подряд три светлых «Балтики». Вьетнашки тарасили глаза и что-то лопотали по-своему. Громко, не стесняясь, рыгнул. Закурил.

Гады все. Гады и гондоны, думал я, разглядывая рыночных посетителей. Мало того, что поссать негде, так ещё за это голову разнести норвят.

Добавил сотку явно палёной «гжелки». Докурил. Как-то отлегло немного. Хоть вы и гондоны, а день у меня сегодня особенный. Поэтому всех вас люблю.

Прихватив с собой ещё одну пива, благостный и расслабленный, отправился бродить по детским секциям.

Опьянение достигло стадии впадения в детство. Лицо отекло. Всё происходящее казалось сном. Я беспомощно, словно потерявшийся в толпе спиногрыз, толкся среди обстоятельных и деловых будущих и настоящих мамаш.

Долго рассматривал бельё для беременных.

Хотел угнать синюю, с хромированными колёсиками коляску, но продавец вежливо и настойчиво попросил меня уйти.

В крохотном закутке стояли две корзины, до отвала запол-

ненные мягкими игрушками. Я уже начал жалеть, что припёрся сюда. Но с пустыми руками уходить казалось глупым. Поэтому принялся рыться в корзинах. Тётенька-продавец за кассой недоверчиво меня разглядывала.

Я где-то читал или слышал, что мягкие игрушки в Китае шьют заключённые. Оттого-то, мол, у всех этих зайчиков, мишек, обезьянок, жирафов и собачек такие грустные мордочки. Равнодушные и пустые глаза. Мягкие, безропотные и слабые, эти зверюшки совершенно безразличны к своей судьбе. Годами они кочуют со склада на склад, из магазина в магазин. Когда-нибудь кого-нибудь из них купят. Но шанс, что именно тебя – ничтожен. Трудолюбивые китаёзы нашили миллиарды зверушек.

Остаётся лишь грустно смотреть в никуда.

Хотел уже поделиться наблюдением с продавцом, но выудил со дна корзины маленького, не больше ладони, белого зверька с чёрными пятнами. Зверёк оказался пандой с умненькими, блестящими глазками.

Его мордочка улыбалась!

Светилась нахальством, довольством, любопытством.

Мне даже показалось, зверёк подмигнул мне!

То ли он был подтверждающим правило исключением, то ли я уже видел всё в изрядном преломлении... Но своей

весёлостью китайский мишка мне понравился. Я заплатил. Выйдя из магазинчика, запихнул панду в передний карман джинсов. Голова не влезла и осталась торчать снаружи, разглядывая прохожих.

Откуда-то раздалась смутно знакомая мелодия.
Трам-пара-ра-рара-рам! Трам-пара-ра-рам!
Мелодия пиликала из другого кармана.

Julia – сообщил дисплей вытащенного Siemens-а.

– Привет, зая! – я готов был расцеловать округлую жопку телефона. – Как там наша дочка? Ты сама как?

Голос у жены был бодрее, чем утром:

– Да мы-то в порядке. То есть Катьку сразу забрали, ещё пока не приносили. А я лежу, анестетиками обкололи всю. Пока терпимо. Нас тут два человека в палате. У соседки мальчик. Никак не зовут ещё. Всё с мужем не могут решить, как назвать...

– Да чёрт с ними, ты-то как? Надо чего привезти? Я тут тебе подарок купил... – мне стало неловко перед самим собой. – То есть, не купил ещё... выбираю пока... Это...

– Ты там, похоже, не скучаешь, – заметила жена. – Деньги смотри, не все спусти. Ещё ж на выписку надо дать.

– Малыш, ты ведь знаешь, я аккуратно, – в этот момент я сам себе поверил.

– В том-то и дело, что знаю, – Юлька усмехнулась в трубку. – Ой, обход идёт! Всё, пока! Позвоню потом.

Связь отрубилась. Не сразу я понял, кто такой обход и куда он идёт. «Мороз-воевода дозором Обходит владенья свои...» – запрыгали в голове дурацкие по июньской жаре строчки.

Я направился к выходу.

Попетляв по лабиринту торговых рядов, почти добрался до распахнутых настежь дверей, как вдруг остановился у здоровенной витрины секции игрушек.

Прямо на меня смотрела только что купленная панда. Только огромного, почти в человеческий рост, размера. Точная копия моей крошки. Я даже вытащил из кармана свою попку, чтобы убедиться в идентичности.

Перевёл взгляд на витрину и вздрогнул.

Большая панда шевелилась!

Я был пьян, но не настолько же! Панда тяжело ворочалась в тесном пространстве витрины. Пыталась вылезти оттуда и побежать ко мне, понял я. Вернее, к увиденному в моих руках детёнышу.

Я кинулся к ней навстречу.

Сверхъестественное закончилось, как только я вбежал в магазин.

Продавец – миниатюрная девушка в бриджах и топике стягивала, пыхтя и дуя на чёлку, панду с витрины.

Покупатели – колхозного вида мужик и грушеподобная тётка в цветастом сарафане – молча наблюдали за её действиями.

– Последняя. Витринный экземпляр. Так что со скидкой могу вам уступить, – продавец стянула, наконец, панду с полки.

Колхозник и колхозница хищно набросились на добычу. Грубо мяли, тискали, ворочали и даже пытались подбросить вверх. Лица их плотоядно исказились.

Умоляюще-жалобно насилуемый зверь смотрел на меня.

Я стыдливо опустил глаза. В моей руке по-прежнему был зажат её детёныш.

Торопясь и сбиваясь, оттого ещё более заплетаясь языком, я начал что-то говорить. Стесняясь говорить правду про найденных мать и дитя, я понёс околесицу о больной племяннице и ещё бог знает о чём, периодически делая попытки завладеть пандой. Колхозники молча буравили меня недобрыми глазками. Отрицательно мотали головами и прятали добычу за спины.

От их неприступности я впал в отчаяние. Я клянчил и

умолял. На лицах моих врагов отражалась смесь отвращения с наслаждением.

Наконец, я был снисходительно послан проспаться.

Панду расторопная продавщица уже успела завернуть в полиэтилен.

– Заплачу на пятьсот больше, чем они! – зажав детёныша панды под мышкой, я принялся рыться по карманам.

Задышающегося в прозрачной обёртке зверя колхозник выносил из магазина.

Всё было кончено.

Самец макаки-резуса в подобной ситуации оскаливает ужасающие клыки и, подрагивая дрожащим кончиком хвоста, бросается на обидчика. Я же, никчёмный *homo sapiens*, покинув рынок, горестно пил пиво у трамвайной остановки. Детёныш плакал в моём кармане. Бутылка «Клинского» казалась липкой. Само пиво было тёплым и мерзким.

Хотелось поскорее убраться отсюда.

Домой.

Нужной мне «трёшки», как назло, всё не было. Пиво не лезло в горло, зато активно просилось наружу снизу.

Решил поймать тачку. Уже было поднял руку, как тут же опустил, не поверив своим глазам.

В десятке метров от меня та самая пара колхозников, сгру-

див у бордюра кучу сумок и пакетов и отключив необъятные задницы, торговалась с водителем «жигулей». Моя панда ничком лежала поверх пакетов.

Я побежал. Как в замедленной съёмке видел лицо согласно кивающего водилы, видел, как разворачивают корпуса гости столицы, как раскрываются их рты, когда я на полном ходу подхватил радостно взмахнувшего лапами зверя.

Панда, несмотря на размер, оказалась совсем не тяжёлой, и мне удалось даже добавить ходу, преодолев небольшой подъём по Варшавке. Сзади что-то кричали, но я слышал лишь собственные топот и дыхание.

Панду я обеими руками прижимал к левому боку. Лёгкие мои хрипели и выворачивались. С трудом выбрасывая вперёд ставшие вдруг свинцовыми ноги, я добежал до железно-дорожного моста.

Понял, что окончательно сдох, и остановился. Погони за мной не было.

Удивительно, но сзади, погромыхая, подгробала к остановке «трёшка». Ещё мелькнула мысль, а не настигли ли меня колхозники на трамвае. Но «трёха» была забита почти под завязку, я смело и настырно ввинтился в пассажиров.

В квартире с наслаждением облегчился. Насвистывая,

освободил панду из целлофанового плена. Усадил её на диван. Между больших чёрных лап поместил детёныша. Отошёл на шаг и любовался.

Зверята благодарно улыбались.

Теперь можно ещё разок сходить к палатке, и на этом всё.

* * *

«Арсенальное светлое», по пять бутылок в каждой руке, я еле доволок до дома. По дороге вспомнился анекдот. Девочка лет десяти покупает восемь бутылок портвейна. Продавец интересуется: «А ты унесёшь столько?» Девочка, задумчиво: «Вот и я думаю... Может, пару штук прямо здесь засосать?..»

Дома я тупо сидел на диване и пил пиво – одно за другим. Всё.

Я разогнался. Надвигался запой, грозной и тревожной тучей напал на моё семейное счастье.

А ведь через несколько дней моих девчонок выпишут.

Неужели в волнах перегара я появлюсь в роддоме опухший и стеклянный?.. Жена будет кусать губы и плакать... Дома, вместо посильной помощи, я буду отпиваться пивом, тяжело ворочаясь на диване...

Мне до того стало жаль себя, жену, дочку Катюху, до того неловко и стыдно сделалось мне, что я уткнулся в мягкий живот сидящей рядом панды и зарыдал.

Панда пахла складом и синтепоном. Мне было хорошо.

Умиротворённый, я дотянулся до тумбочки и подцепил маникюрные ножницы. Распахнул их остренький клювик и ловко, по шву, распорол старшей панде низ живота. Показалась белая набивка. Я выстриг углубление длиной в ладонь между её задних лап. Комки синтепона разбросал по полу. Детёныша, по всем правилам, вниз головой – затылочное предлежание – поместил внутрь.

Зашивать мне было лень, да я и не знал, где у жены хранятся иголки и нитки.

Беременная панда.

Как моя Юлька ещё сегодня ночью.

Пива осталось три бутылки. К раковине я бегал теперь каждые пять минут.

Писая, держался за вешалку для полотенца.

Звонил телефон, определялись какие-то номера, но я уже плотно ушёл в сумеречную зону.

Я был горд своим одиночеством.

Если сегодня вынесу всё и не сдохну, всё будет хорошо. Да и права помирать у меня нет. Я молодой отец. И я выдержу свой первый день.

Сегодня он самый длинный. Завтра – по минуте, по две

пойдёт на убыль. Так и лето пройдёт...

Чтобы не затосковать, решил подрочить.

Расстегнул джинсы и лёг поудобнее.

Член не хотел подниматься. Я пытался представить себе что-нибудь. Вспомнил, как за пару дней до роддома брил, присев на корточки в ванной, Юльке лобок. Смывая «жилетовскую» пену с чёрными вкраплениями жёстких волосиков, я щекотал жену кончиком языка. Юлька забавно стеснялась. Над трогательной, по-детски припухлой щёлкой нависал огромный яйцевидный живот. От секса тогда осторожная жена отказалась...

Член слегка напрягся и опал снова. Потискав и помучив его несколько минут, понял, что нужна наглядность.

Пару кассет с порнухой я мог, в принципе, отыскать в завале своего стола... Но вялая она какая-то, неживая, что ли...

Случайно перевёл взгляд на примостившуюся рядышком беременную панду.

Приподнялся и раздвинул ей лапы. Показалась макушка детки.

Моё лицо приняло серьёзный врачебный вид.

Под плюшевый зад зверька я подложил подушку.

Я принимал роды.

Заставлял панду тужиться и правильно дышать. Уговаривал потерпеть.

Роды прошли успешно. Шлепнув детёныша по попке, положил его на живот разродившейся. Пожалел, что не догадался соорудить пуповину. Было бы достовернее.

Член мой неожиданно напрягся, подрагивая. Несколько раз я провел по нему ладонью. Отчётливо ощущал набухшие вены.

Я навалился на панду всем телом и погрузил член в мягкое синтепоновое лоно. Головку непривычно щекотало. Уткнувшись в подбородок панды, я начал двигаться, убыстряясь и порываясь.

Через пару минут взорвался горячим потоком.

Сотни, тысячи, миллионы и миллиарды белых брызжущих искр вспыхнули и угасли под закрытыми веками глаз.

День всё не заканчивался никак.

Но мне было плевать.

Усталый, счастливый, опустошённый, я спал крепким сном.

Сном молодого отца.

Елена Одинокова. Санкт-Петербург :: Ложка

– Мишин, стоять!

Я на пороге кабинета истории, рюкзак оттягивает правое плечо.

– Почему без сменной обуви? – Истеричка закидывает ногу на ногу, она сидит лицом ко мне, желтый свитер задрался на пузе. Видно, что ее джинсы расстегнуты и подпоясаны резинкой. Она этого не замечает, а зря. Я бы на ее месте пореже гавкал на учеников и почаще смотрел на себя.

– Это сменная.

– Неужели? А я видела, как ты в этих кроссовках по улице шел. Или у тебя две пары одинаковых?

Конечно, у меня одна пара. А еще я зимой хожу в школу без куртки, чтобы можно было слинять в любое время, а не ждать, пока Клавдия Семеновна откроет гардероб.

– Мишин, куда это ты направился?

– На свое место, Светлана Александровна.

– А ты спросил, можно ли войти?

– Можно войти, Светлана Александровна?

– Нельзя, Мишин. Нельзя. – Училка лыбится. – Твое ме-

сто у дверей, Мишин. Потому что в МОЙ класс нельзя влезать без сменной обуви.

Эти идиоты за последними партами начинают ржать. Первые парты занимают отличницы, они лучше воспитаны – прикрывают рот ладошкой. У Катьки Сусловой от смеха трясется бантик на затылке. Уродский бантик.

Истеричка пишет что-то в журнале, командует:
– Откройте тетради.

Идет по рядам, смотрит, кто выписал даты. Она еще заставляет класть в учебник какие-то дурацкие закладки, как будто я не могу посмотреть по оглавлению. На этих закладках тоже нужно писать даты и какую-то другую херню, как будто у меня ранний склероз. Я весь этот вонючий учебник прочитал с первого по пятое сентября, и учебник по литературе – тоже.

– А Мишин считает, что ему тетрадку показывать не обязательно? – Она щурит карие глазенки.

– Мишин считает, что имеет право учиться сидя.

Истеричка надвигается, как будто хочет размазать меня по стенке.

– А Мишин имеет право так разговаривать с учителем?

В классе так тихо, что я слышу, как бьется мое сердце, скрипят суставы и кровь пульсирует на шее. Сулова вертит в руках карандаш. Он падает и с грохотом катится по полу. Истеричку прорывает:

– Вон из класса! Завтра в школу с родителями!

– У вас ширинка расстегнута. – Я хлопаю дверью.

Я сижу на подоконнике в туалете, даже отсюда слышно, как весь класс ржет. Так ей и надо, суке, пизде. Сейчас истеричка разрыдается и побежит писать докладную директору, меня вызовут к этому усатому дядьке, подержат в предбаннике полчаса и отпустят, потому что ему насрать и на меня, и на училку истории.

Так и есть, стучит шпильками по паркету в рекреации. Мишин снова сорвал урок. Ыьыыы!!!

Кстати, она сама не ходит в сменной обуви. На ней сапоги. И ей насрать, есть у меня сменка или нет. Просто она меня ненавидит за то, что я мальчик. Если я опаздываю на урок, она спрашивает: «Что, Мишин, ты провел бурную ночь?» Если прихожу вовремя – «Надо же, Мишин удостоил нас своим визитом». Или «Не умничайте, Мишин, все равно учитель знает больше вас». Как будто Мишин ей заделал это чудо и смылся. Пузо есть, а кольца на пальце нет. Ну какой идиот женится на этой стерве? Наверное, этот мужик трахнул ее по пьяни, проснулся утром, увидел ее рожу, тихонько подхва-

тил свою одежду и сбежал. Я бы точно сбежал.

Не знаю, за что она меня ненавидит больше других. Может, за то, что отличник. Она и директору жаловалась, и завучу, и в дневнике замечания писала – а на нее все клали, потому что я иду на медаль.

Двери кабинета скрипят, слышен топот. Сейчас полклас-са разбежится, а эта дура начнет по школе бегать и ловить всех по очереди. Поймает одного – другой убежит. И так до перемены.

Я пробираюсь на первый этаж, в канцелярии пусто, за дверью кто-то переговаривается. Прижимаю ухо к обивке.

– Николай Алексеич, ну, сколько можно! – всхлипывает Светлана.

– Света, вы меня достали. Какая разница, есть у него сменка или нет? Что вы меня по пустякам дергаете? Вам вообще не стыдно ко мне врывать и реветь? Попейте какой-нибудь «новопассит».

– Ну, Николай А... – Светлана икает.

– Света, знаете что? Если не можете справиться со своими нервами, найдите себе более спокойную работу. Нечего к детям придирааться.

Дверь распахивается и бьет меня по лбу, Светлана пронесется мимо как кобыла. Директор хохочет ей вслед.

Замечает меня:

– Не обращай внимания... Вася?

Я киваю.

– Вот и молодец. – Улыбается Николай Алексеевич. – Вырастешь – поймешь, почему она так себя ведет.

– А я и так понимаю.

– Какие развитые дети пошли...

Истеричка поймала меня на перемене и говорит с гаденькой улыбочкой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.